

Ушкуйники

Автор:

Виталий Гладкий

Ушкуйники

Виталий Дмитриевич Гладкий

Исторические приключения (Вече)

XIV век. Великий Новгород. Молодые парни, Носок и Стоян, мечтают стать ушкуйниками. Но для этого необходимо вооружиться за свой счет, а денег нет. На ярмарке друзья становятся свидетелями зимней забавы – борьбы медведя с человеком. Стоян вмешивается в схватку и насаживает медведя на рогатину, спасая борца. В благодарность получает от него оберег и деньги. Парни становятся членами отряда Луки Варфоломеева и выступают в большой поход на север. Но даже в самых смелых мечтах они представить себе не могли, какие небывалые, опасные и загадочные приключения ждут их в землях свеев и литовцев!..

Новый остросюжетный роман от настоящего мастера приключенческого жанра!

Виталий Гладкий

Ушкуйники

© Гладкий В. Д., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Пролог

Золотой солнечный ветер кружил над большим островом, затерянным в океане, и, плавно снижаясь, постепенно исчезал в чаше, напоминавшей невероятных размеров цветок лотоса. Чаша эта представляла собой раскрывающуюся кверху крышу-купол огромного беломраморного храма, венчавшего вершину Священного холма. Стены храма украшала ажурная серебряная сетка с многочисленными вставками фигурок диковинных животных и птиц, а фриз был отлит искусными мастерами из чистого золота. Золотыми были и лепестки купола-крыши, благодаря чему издали храм сверкал подобно огромному драгоценному камню.

С вершины Священного холма остров просматривался как на ладони. Гористую его часть покрывали леса, а низменность – ту, что не испещрена была реками и озерами, – островитяне расчертили аккуратными квадратами и прямоугольниками полей. Подножие холма было застроено трех- и четырехэтажными зданиями, а на широких улицах и просторных площадях, вымощенных тщательно подогнанными каменными плитами, толпился местный люд, в основном свободные граждане. Все с благоговением взирали сейчас на образованный воздушными струями золотой водоворот, становившийся над куполом-лотосом густым и плотным подобно дорожному вину многолетней выдержки, мощной струей вливавшемуся в храм.

Наконец это потрясающее зрелище закончилось: воздух над храмом снова стал прозрачным, а небо – голубым. Лепестки купола закрылись, явив публике сияющую великолепием золотую полусферу, и люди в едином торжествующем порыве вскинули руки вверх – свершилось! Жертва принята! Сегодня был день Высокого Солнца, и потому жрецы-правители – Посвященные – проводили традиционную церемонию жертвоприношения Матери Богов, Светозарной Атт, которой издавна поклонялись жители островного государства Атталанта. Всех присутствующих охватила неподдельная радость, ведь в виде золотого ветра богиня явила им сегодня свою милость!

А такое, увы, случалось нечасто: последнее десятилетие купол храма раскрывал свои лепестки всего два раза. В основном потому, что именно в день Высокого Солнца небо неожиданно заволакивалось тяжелыми грозowymi тучами,

и никакие ухищрения жрецов-правителей, весьма искусных в разных науках, не помогали. Временами казалось даже, что на Атталанту кто-то наслал проклятие. Жители острова не знали, отчего так случается, да им и не положено было знать, но они с огорчением наблюдали, что и на лицах жрецов улыбки появляются все реже и реже. Пять лет назад в Атталанте случился мор, и половину домашних животных пришлось сжечь в огромной гекатомбе. А в позапрошлом году с небес обрушились невиданные доселе ливни, длившиеся не день и не два, а целый месяц: весь урожай сгнил тогда на корню. С той поры солнце редко показывалось из-за туч, даже летом. И не будь у государства заморских колоний, жители острова давно уже голодали бы.

Тем временем церемония в храме Светозарной Атт продолжалась. Правда, она не напоминала ни обряд жертвоприношения, ни молебен. Посреди храма стояла прозрачная, до блеска отполированная колонна, вершиной своею достигающая золотого купола и поражающая размерами и красотой воображение всякого смертного. Казалось, что ее возвели сами боги – из хрусталя или материала, похожего на хрусталь. Вместо привычных молитв согбенные жрецы-правители старательно крутили большое колесо-штурвал, из которого вырастала колонна, медленно уходившая потом под плиты пола. Работа была явно нелегкой: по лицам жрецов обильно струился пот. Внутри же колонны время от времени вспыхивали голубые и золотые молнии, попутно раздавался приглушенный треск, и тогда воздух внутри храма насыщался озоном и становился ощутимо наэлектризованным.

После каждого такого разряда жрецы инстинктивно втягивали головы в плечи, а затем продолжали работу с удвоенной энергией. Лишь один из служителей храма не принимал участия в столь странном «молебне». То был настоящий гигант. Он стоял чуть поодаль от жрецов-тружеников, широко раскинув руки, – словно хотел обнять колонну. Его темное лицо было напряжено, губы торопливо что-то шептали, а глаза цвета светлого янтаря неотрывно смотрели на хрустальный столб, внутри которого бушевали гроззовые разряды. Со стороны казалось, будто он собственными руками и только ему ведомыми заклинаниями пытается удержать заключенную в прозрачном цилиндрическом коконе энергию немыслимой силы, чтобы она не вырвалась наружу и не натворила непоправимых бед.

Но вот колонна окончательно исчезла в подземных недрах храма, и у штурвала остался всего один жрец. Минутой позже раздался шум работающего механизма, и отверстие в полу накрылось массивной свинцовой плитой,

практически не отличающейся по цвету от самого храмового пола, выложенного темными полированными плитками из гранита с врезанным в него золотым растительным орнаментом.

Жрецы облегченно вздохнули и выпрямились. И тотчас выяснилось, что ростом они лишь немного уступают сослуживцу-гиганту. Одежда их не отличалась разнообразием: белые тоги с широкой золотой каймой понизу и сандалии на толстой подошве из материала, отдаленно похожего на кожу. На груди у каждого Посвященного висел на массивной цепи круглый, выполненный из светлого металла медальон с изображением женской головы. Властное и несколько надменное выражение красивого лица было столь тонко передано искусным гравером, что женщина казалась живой. Во всяком случае, создавалось впечатление, что ее миндалевидные глаза неотступно следят за каждым движением беседующего со жрецом человека, – где бы тот ни стоял. При взгляде же на медальон сбоку лицо женщины и вовсе приобретало... объем.

То была Мать Богов, Светозарная Атт.

– Сегодня звезды проявили к нам благосклонность, – нарушил тишину гигант. Он был главным жрецом-правителем, Сокрушителем Хаоса, и носил имя Аатум. – Прорицатели не ошиблись. Солнце не стало на сей раз прятать свой лик.

– Но процесс зарядки длился слишком долго, – озабоченно возразил жрец, выглядевший почти точной, только чуть моложе, копией Аатума. – Конечно, всем нам хочется, чтобы энергии хватило на целый год, однако мы изрядно рискуем. Это опасно. Если защита не выдержит, нас ждет печальный исход. Мне уже донесли, что на северном конце острова наметился тектонический разлом. Гайя[1 - Гайя – планета Земля.] пришла в движение, – с тревогой в голосе подытожил свою речь Гееб, Творец Сущего, родной брат Аатума, в обязанности которого входило все, что было связано с земной твердью.

– Светильник Атт продолжает остывать, – мрачно добавил Раат. – И остановить сей процесс, полагаю, уже невозможно. Совсем недавно мы могли подзаряжаться в любой солнечный день, а теперь – лишь раз в году. Да и то если повезет. По счастью, пока нас выручают звезды. Но чтобы Туаой[2 - Туаой – «огненный камень», главный кристалл Атталанти (Атлантиды); аккумулятор солнечной и звездной энергии. Имел цилиндрическую форму и достигал в высоту нескольких метров.] работал, как должно, энергии звезд не хватает...

Раат следил за энергетикой государства, состоявшего из материковых земель и нескольких островов. Благодаря подаренному богиней Атт «огненному камню», имевшему вид прозрачной колонны, атталанты возводили величественные храмы и высокие каменные дома, мостили дороги, изобретали отсутствующие в природе вещества и материалы, добывали руду, выплавляли прочный металл для мечей и копий и даже в какой-то мере управляли погодой. Последнее, впрочем, происходило давно – когда Атталантой правили боги. Жрец-правитель Раат тоже имел второе имя – Глаз Света.

– Будем надеяться, что Светозарная Атт не оставит нас без своих милостей, – сдержанно отозвался Аатум, после чего звонко щелкнул пальцами.

На его зов из глубины храма тотчас явились два раба: принесли запечатанный древесной смолой глиняный кувшин и семь золотых кубков – по числу жрецов-правителей, находившихся в данный момент в храме. Издревле было установлено, что на службе их должно состоять десять, но трое жрецов сегодня отсутствовали по причине инспекционной поездки. Не слишком доверяя правителям подвластных Атталанте земель, Аатум считал, что лучше один раз увидеть вверенные им хозяйства воочию, нежели сто раз перечитать их пространные отчеты на бумаге.

Рабы были гораздо ниже атлантов и имели кожу черного цвета. Тем не менее они происходили из царского рода: их привезли сюда из завоеванной атталантами страны Нуб. И по сей день в Атталанту доставляли оттуда и дорогую слоновую кость, и живых слонов: вместе с другими экзотическими животными нубийские слоны паслись теперь на огороженной крепким забором территории. Разлив вино из кувшина по кубкам, чернокожие рабы с поклонами удалились.

– Пятнадцать лет назад хааома[3 - Хааома, хаома – в древнеиранской религии так назывались напиток бессмертия и растение, из которого он изготавливался. На сегодняшний день относительно хаома существует ряд гипотез, однако достоверными сведениями наука пока не располагает.] плодоносила в сезон урожаев дважды, а за последние четыре года всего лишь раз, – тяжело вздохнув, сказал жрец-правитель по имени Ураат. – Наши запасы тают быстрее, нежели пополняются. Теперь воины получают хааому только перед битвой – чтобы их раны заживали быстрее. И все-таки ветераны с каждым годом стареют, а заменить их пока некому.

Вторым именем Ураата было – Хранитель Меча. Под его командованием находились все войска и флот Атталанты. Лицо жреца-правителя было сплошь покрыто шрамами, а голос рокотал как боевая труба.

– Мы работаем над этим, – заверил Хранителя Меча жрец-правитель Фраат. – В следующем году все вернется на круги своя. Хаома снова начнет плодоносить два раза в год.

Среди жрецов Фраат был единственным, чьи волосы уже щедро украшала седина, и потому выглядел даже несколько старше главного жреца-правителя, Сокрушителя Хаоса, хотя лет тому было больше. Возможно, причиной преждевременного появления седины послужило то, что Фраат сутками пропадал в своих многочисленных лабораториях. В Атталанте он слыл мудрецом и отвечал за науку и образование.

– И как вы этого достигнете? – заинтересовался Аатум.

– Мы... продлим солнечный день.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что заручился согласием на то самой Светозарной Атт? – скептически ухмыльнулся Баал. – Что-то не верится в успех подобной затеи...

– К сожалению, божественный свет не в состоянии пока продлить плодоносный период развития хаомы, – миролюбиво ответил седовласый Фраат, – но мы вполне можем это сделать. Над плантациями хаомы уже развешаны светильники, которые превратят ночь в день и сделают ночной воздух теплее. Уверен, у нас все получится.

– Было бы обещано... – буркнул недоверчивый жрец.

Баал отличался сложным, противоречивым характером. В Атталанте он заведовал медициной, санитарией и семейными отношениями. Его жреческий титул звучал как Дарующий Жизнь. Баал был не в меру любвеобилен, за что не раз уже получал на советах жрецов-правителей взыскания. Особенно же всех возмутила в свое время его связь с собственной сестрой Аанат, которая каким-то образом умудрилась при этом остаться девственницей. Похоже, Баалу пригодились его непревзойденные познания в медицине...

– Как легко сегодня дышится! – воскликнул неожиданно Гоор, с наслаждением втягивая в себя воздух, очищенный зарядкой «огненного камня». – Словно мириады мелких иголок массируют все тело. Прямо как во время процедур в Термах Наслаждений.

Термами Наслаждений в Атталанте назывались термальные ванны на открытом воздухе. По керамическим трубам в них поступала горячая, сильно минерализованная вода из Долины Гейзеров. Ванны в Термах были высечены из оникса и располагались среди вечноцветущих деревьев, кустарников и клумб; к ним вели выложенные мраморными плитами дорожки, вдоль которых высились резные столбы из очень прочного красного дерева, увенчанные золотыми фонарями. Цветочные ароматы заглушали не очень приятные запахи термальных вод, и принимающие водные процедуры свободные граждане Атталанты не только поправляли и укрепляли в Термах свое здоровье, но и получали огромное наслаждение от массирующих тело воздушных пузырьков и чудесных окрестных видов.

Здесь же имелись и бассейны с ледяной водой, поступавшей из ближней горной реки. Вдоволь понежившись и разогревшись в Термах, в эти бассейны периодически ныряли любители острых ощущений, к коим принадлежал и Гоор. А еще он любил прыгать в море с высоких скал. При этом сторонним наблюдателям казалось, что он парит в воздухе подобно настоящему соколу. Стройный и гибкий, Гоор был самым молодым среди жрецов-правителей Атталанты и носил жреческое имя Повелитель Неба. В его обязанности входило наблюдение за погодой, ее прогнозирование, а также все, что касалось воздушной стихии.

– Однако нам пора, – объявил Аатум.

Напоминание Гора о Термах Наслаждения заставило его вспомнить о насквозь пропитанной потом одежде. Все-таки нелегкое это занятие – удерживать Туаой при зарядке от разрушения собственной аурой.

Лица жрецов-правителей сразу стали серьезными и сосредоточенными. Все дружно обернулись к огромной статуе Светозарной Атт и вознесли ей благодарственную молитву. Статуя была вырезана из молочно-белого камня и тщательно отполирована мастерами, в глазницах сияли бриллианты. Из высоко расположенных окон храма на статую падал рассеянный свет, и казалось,

что лицо Матери Богов – живое, а глаза смотрят прямо в душу каждому из жрецов.

...Аатум нежился в своей личной ванной. Подобная привилегия полагалась всем жрецам-правителям. Жреческие Термы Наслаждений располагались на склоне Священного холма чуть выше терм, предназначенных для прочих граждан Атталанты, и представляли собой закрытое помещение, тогда как ванны для простых смертных были защищены от непогоды лишь легкими навесами. Термы жрецов напоминали большой хрустальный куб, однако извне их внутренний интерьер не просматривался. Зато из самого «куба» открывался прекрасный вид и на океан, и на прибрежные скалы.

Воздух в жреческих термах всегда был свежим, температура поддерживалась постоянная. Вместо клумб тут стояли огромные мраморные вазы, в которых росли карликовые вечнозеленые деревца, привезенные мореплавателями Атталанты из дальних стран. Эти чудесные заморские растения источали удивительно приятный и бодрящий аромат, благодаря чему жрецы покидали термы преисполненными сил и энергии. Пол в жреческих термах был устлан плитами из дорогого золотистого орихалка[4 - Орихалк – таинственный металл или сплав, о котором древнегреческие авторы упоминают в своих трудах начиная с VII в. до н. э. Так, Гесиод сообщает, что из орихалка был изготовлен щит Геракла. Широко применялся орихалк и в Атлантиде. По мнению Плиния Старшего, данный металл вышел из употребления лишь после того, как были истощены копи его залежей.], украшенными искусными граверами изображениями обитающих в океане рыб и животных.

Однако сегодня наслаждение Аатума благами терм продлилось недолго. Он уже возлежал на подогретой мраморной плите, а юные обнаженные рабыни умащивали его тело оливковым маслом, предваряя приятную процедуру последующего массажа, когда в термы вбежал один из жрецов низкого ранга, причем явно чем-то взволнованный.

– Прости, о великий... – склонился он перед Аатумом. – Беда!..

– Что случилось?!

– В порт прибыло посыльное судно из флота Наэф-Тууна. Капитан просит срочной аудиенции. Плохие новости... Я уже отправил гонцов к членам Высшего

Совета.

Аатум жестом приказал рабыням убрать с его тела излишки оливкового масла, что ими тотчас и было исполнено с помощью мягкой ткани, после чего быстро облачился в свежую белоснежную тогу.

Флот Наэф-Тууна был послан им накануне в дальнюю островную провинцию Атталанты с целью выяснения сложившейся там ситуации. Обычно связь между островами поддерживалась посредством взаимодействия энергии «огненных камней», представляющих собой светло-серые кристаллы разной величины и, следовательно, разной мощности. На всех островах были построены высокие, хорошо защищенные башни со специальными зеркалами. Отраженная этими зеркалами энергия «огненного камня» превращалась в тонкий луч, который быстрее мысли летел к соседнему острову. Там он принимался другим зеркалом и передавался по цепочке дальше. Тем временем успевшие принять этот луч специальные островные приспособления прожигали в намотанных на валик папирусных лентах крохотные отверстия, которые складывались в своеобразную шифрограмму. А та, в свою очередь, передавалась затем для прочтения обученным искусству дешифровки жрецам. Благодаря столь оперативной межостровной связи факт неожиданного нападения неприятеля на владения атталантов практически исключался. Точно таким же образом правители островов передавали в столицу и отчеты об обстановке на вверенных им территориях.

Остров, к которому ушел флот Наэф-Тууна, «умолк» неожиданно. Грешить на внезапную потерю «огненным камнем» островной башни необходимой энергии Аатум не мог – кристаллические друзья в отличие от Туаойя заряжались в любой солнечный день. Неужели врагам удалось захватить остров столь быстро, что дежурный жрец не успел даже передать сигнал тревоги?! Нет, это невозможно! Тревожное сообщение отправлялось автоматически при малейшей попытке взлома всегда запертой двери башни.

Не исключено, правда, что это снова дело рук «людей моря». Как правило, они на юрких маленьких суденышках причаливали к побережью какого-нибудь острова совершенно внезапно и, ограбив население и оставив после себя горы трупов, столь же стремительно исчезали. Пленников «люди моря» не брали: хладнокровно и беспощадно убивали всех, кто подвернется им под руку, не успев скрыться в горах или в лесу. Даже домашнюю скотину. Что, впрочем, вполне объяснимо: в их тесных лодчонках особо не разгуляешься – им бы

награбленные ценности хоть как-то разместить-пристроить...

Несколько раз корабли атталантов настигали «людей моря», но те защищались как сумасшедшие, предпочитая плену смерть. А если даже кого-то удавалось пленить – в основном тяжелораненых, не сумевших убить самих себя, – те терпели любые муки молча и умирали с улыбкой на губах. Непостижимое племя...

Капитан посыльного судна ждал Сокрушителя Хаоса во дворце. Главное здание столицы атталантов высилось на Священном холме, охватывая полукольцом стоящий чуть ниже храм Светозарной Атт. Антаблемент поддерживался не колоннами, а огромными статуями гигантов, которые, согласно преданиям, населяли Гайю со времен ее основания. А на мраморном фризе художниками-камнерезами были изображены сцены из их жизни: битвы с какими-то чудовищами, военные триумфы, народные гуляния, спортивные состязания...

Поднимаясь по широкой гранитной лестнице к дворцовым дверям, Аатум бросил взгляд на порт. Посыльный корабль Наэф-Тууна он узнал сразу – по развевающемуся на его мачте красному вымпелу. Все боевые корабли Атталанты были парусными, но могли путешествовать по воде и при полном отсутствии ветра. Секрет сего «чуда» тщательно оберегался атталантами, поэтому никто из чужеземцев, кому удавалось его не столько даже вывести, сколько хотя бы просто подсмотреть, долго на белом свете не заживался.

Столицу атталантов защищали два широких и глубоких канала, окружавшие ее кольцом. При необходимости – в случае нападения вражеского флота или с приближением сильного шторма – суда, находившиеся в порту, могли укрыться во внешнем водном кольце, соединенном с открытым морем прорубленным в скалах каналом-туннелем.

...Главный жрец-правитель торопливо накинул парадный плащ-гиматий из темно-красной шелковистой ткани, затканной серебряными цветами, застегнул его у шеи золотой застежкой-фибулой и водрузил на голову золотую корону с навершием из огромного черного бриллианта. После чего прошествовал в Зал Приемов, где занял свое место в стоявшем на некотором возвышении массивном троне, выполненном из ценных пород деревьев и украшенном слоновой костью, золотыми чеканными пластинами и драгоценными камнями.

Помимо Аатума и других жрецов-правителей в Высший Совет входили столичные сановники высокого ранга. Посмотрев сверху на пестрое море одежд, заполнивших богато отделанный золотом зал, Сокрушитель Хаоса почувствовал вдруг, что сердце больно сжалось. «Неужели сбывается предсказание того сумасшедшего?!» – подумал он с внутренней дрожью. При этом лицо главного жреца-правителя оставалось по-прежнему спокойным и бесстрастным, в немигающих глазах светилась несокрушимая воля.

Год назад корабли другого флотоводца атталантов, могучего Инкаа, доставили в столицу захваченного в плен колдуна неизвестного племени, обитавшего на материке, в дремучих лесах. Воины того племени были рослыми, голубоглазыми и сражались с атталантами практически на равных; даже бесстрашные «люди моря» старались избегать встречи с ними. Недостаток у лесных воинов был лишь один – примитивное оружие. Каленые стальные мечи атталантов перерубали их бронзовые клинки словно стебли камыша. Но вот взять голубоглазых богатырей в плен было крайне сложно: они сражались до последнего. Тем более удивительным казалось пленение воинами Инкаа колдуна из племени лесных людей, не выглядевшего при доставке в столицу Атталанты ни немощным, ни испуганным.

Однако причины столь странного его поведения вскоре выяснились. Причем при допросе варвара неожиданно даже переводчик не понадобился, и жрецы-правители буквально онемели, услышав первые слова пленника. Он говорил... на древнем наречии их предков! Наречии, которое сейчас мало уже кто из атталантов помнил и понимал, кроме самих жрецов, ибо оно сохранилось лишь в качестве храмового языка, служившего для вознесения молитв Светозарной Атт.

«Через двенадцать лун на месте вашего мерзкого острова останется болото! – прокаркал тогда пленник, глядя правителям Атталанты прямо в глаза, и торжествующе расхохотался. Потом зловеще повторил: – Запомните: через двенадцать лун!» И замолчал. Он сказал все, что должен был сказать. Он выполнил свою миссию, ради которой, собственно, и сдался в плен без малейшего сопротивления.

Пытали его потом долго. Причем самые искусные заплечных дел мастера. Но варвар лишь заливался безумным смехом и хрипел: «Через двенадцать лун! Запомните!!! Двенадцать лун!..» С этими же словами колдун пошел и на казнь, с ними же улетел и в пропасть, на дно которой атталанты сбрасывали всех

приговоренных к смерти...

«Прошло одиннадцать лун... – подсчитывал в уме Аатум. – Начало конца? Нет, не верю! То был просто бред сумасшедшего варвара. Надо сосредоточиться и выслушать гонца Наэф-Тууна...»

Капитан, широкоплечий мужчина с красным обветренным лицом, низко поклонился главному жрецу-правителю, заученно произнес надлежащие подобным ситуациям слова приветствия и застыл в ожидании: продолжать говорить он был вправе лишь после соответствующего разрешения. Аатум милостиво кивнул, и гонец приступил к докладу. То, что слышали собравшиеся в Зале Приемов, показалось им страшным и невероятным.

– ...Когда до острова оставался всего один день пути, вахтенный – он у меня очень зоркий! – заметил на горизонте слева по курсу странную темную полосу, быстро увеличивающуюся в размерах. Поскольку мой корабль шел следом за кораблем главнокомандующего, Наэф-Туун был оповещен мною о том немедленно. Хвала Светозарной Атт, что даровала Атталанте такого мудрого флотоводца! Промедли Наэф-Туун хотя бы несколько мгновений – весь наш флот пошел бы ко дну! Но по его приказу мы успели развернуть наши корабли носами к приближающейся волне. Она была огромной! Никто из нас никогда прежде такой не видел. Стремительно приблизившись, гигантская волна сначала закрыла собою все небо, а потом... обрушилась на нас словно молот. – При этих словах лицо капитана опечалилось, он потупился и ненадолго умолк. Когда же продолжил свое повествование, присутствующие уловили в его голосе глухое загробное звучание – как у пророка-предсказателя: – Мы потеряли восемь кораблей. Волна погребла под собой не только суда, но и всех членов служивших на них команд... Однако и нас, чудом избежавших их участи и переживших разрушительную силу волны-стихии, самое странное и страшное ждало, как вскоре выяснилось, впереди... – Тут капитан неожиданно резко побледнел (точнее, посерел), несмотря на темный благодаря загару цвет кожи. Его глаза округлились и увлажнились. Остановив полубезумный взгляд на Аатуме, он выдохнул: – Мы не нашли остров. Он исчез.

– Как это – исчез?! – главный жрец-правитель даже привстал от удивления.

В Зале Приемов началось волнение. Главный дворцовый распорядитель, стоявший чуть ниже трона, гулко громынул по плитам каменного пола резным посохом черного дерева, увенчанным золотой фигуркой сокола, и шум стих.

– Мы едва не сошли с ума, разыскивая остров, – устало продолжил капитан, совладав с эмоциями. – Несколько раз перепроверили расчеты, пробовали ориентироваться по звездам и солнцу, но... все указывает на то, что остров поглотила пучина. На его месте теперь мель. Лишь кое-где над водой торчат скалы, бывшие когда-то горными пиками. Судя по всему, незадолго до нашего прибытия там пронесся сильный шторм: на поверхности моря нам не удалось обнаружить даже щепок. Видимо, все унесла высокая волна.

– Вы ошиблись! – вскричал Аамун. – Такого просто не может быть!

– Нас вводят в заблуждение! Это все происки Наэф-Тууна! Он давно отбил от рук! – раздались со всех сторон возмущенные возгласы сановников.

По происхождению Наэф-Туун стоял вровень со жрецами-правителями и мог претендовать на место среди Посвященных. Он даже имел второе (священное) имя – Повелитель Моря. Но Наэф-Туун был настолько строптив и резок в суждениях, что успел восстановить против себя большую часть сановников и жрецов. Вот благоразумный Ураат и постарался избавиться от соперника, оказав ему высочайшую «милость»: назначил командующим одним из двух флотов Атталанты.

Впрочем, Наэф-Тууну сие назначение пришлось по нраву: он на дух не переносил дворцовые интриги. Даже по возвращении из дальних походов ссылался, как правило, на нездоровье (хотя все знали, что это неправда) и отправлял с докладом во дворец своего помощника. Правители терпели выходки Наэф-Тууна только по причине его несомненного воинского таланта: он не проиграл еще ни одной битвы – ни на море, ни на суше. К тому же моряки очень любили Наэф-Тууна за простоту в обхождении и храбрость, так что его отставка могла обернуться восстанием.

– Клянусь Светозарной Атт, я говорю чистую правду! – воскликнул оскорбленный недоверием сановников капитан, вскидывая вверх два пальца правой руки. – Да падет на меня и мое потомство ее гнев, если в моих словах есть хоть капля лжи!

Это было уже серьезное заявление. Такими словами в Атталанте не бросались. Шум стих, в зале снова воцарилась мертвая тишина. Все с тревогой и надеждой смотрели на Сокрушителя Хаоса.

Но Аатум молчал. Казалось, он превратился в изваяние. Только пульсирующая на виске жила свидетельствовала о его напряженных размышлениях. Помимо зловещих пророчеств варвара-колдуна главный жрец-хранитель вспомнил сейчас еще и о древней книге, хранившейся в сокровищнице храма Светозарной Атт. Та книга была древнее даже цивилизации атталантов...

По преданию, книгу оставили боги, вознесшиеся на небеса. Тогда только Светозарная Атт осталась на Гайе, чтобы продолжать нести людям свой свет. Она жила долго, очень долго, пока и ее не забрали небеса. Оставленную богами книгу умели читать лишь самые первые жрецы-правители атталантов. Однако со временем и они перестали понимать смысл многих знаков, выгравированных на тонких, но очень прочных металлических пластинах-листах священной книги. И постепенно та превратилась просто в предмет поклонения – в реликвию, принадлежавшую некогда самой Светозарной Атт. Книгу считали огромной ценностью и выносили в храм на всеобщее обозрение только в дни великих праздников.

Подобно остальным Посвященным, главный жрец-правитель тоже понимал далеко не все изложенные в книге богов тексты. Но сейчас его внутреннему взору предстала вдруг фраза, ускользавшая обычно от внимания при попытках вникнуть в смысл написанного. Аатум даже привык считать ее не очень существенной, ибо многие понятия, содержащиеся в священной книге, не имели к Атталанте ни малейшего отношения. Наверное, они касались Иирия, обители богов, и божественных законов. Многие из тех законов Светозарная Атт сама передала атталантам. Но не все... «Когда наступит Время Исхода, обратитесь к Омфаалу. Он подскажет Путь». Так было написано на последней странице книги, к которой Аатум не раз обращался во время обучения премудростям должности жреца-правителя, перед Посвящением.

Омфаал... Так назывался древний храм на Скале Атт, в котором, удалившись от мирской суеты, провела свои последние годы пребывания на Гайе Матерь Богов. И именно оттуда в одну из темных ночей богиня-защитница атталантов вознеслась на небеса по божественному световому лучу...

Омфаал представлял собой небольшое невзрачное строение, сложенное из дикого камня и густо увитое плющом. К храму вела длинная, вырубленная в скале лестница. Внутри Омфаал напоминал более жилище небогатого пастуха-горца, нежели храм: деревянное ложе с ворохом звериных шкур, грубый стол,

табурет да скудный набор кухонной посуды. Глинобитный пол был прикрыт небольшим, сплетенным из душистых болотных растений ковриком только возле ложа. Основное отличие сего храма от хижин, в которых обитали рабы, заключалось лишь в наличии в нем камина с трубой и в устройстве окон: вместо полупрозрачного бычьего пузыря в рамы здесь были вставлены хрустальные пластины.

И все-таки бывшее жилище Светозарной Атт являлось именно храмом. В центре его стоял камень, увенчанный хрустальной сферой. Время от времени сфера начинала светиться, и тогда случайный наблюдатель мог наблюдать в ней страшные картины: череду всевозможных чудовищ, извержения вулканов, вселенские потопа, кровопролитные войны... Иногда в сфере появлялись лица, человеческие черты в которых угадывались с превеликим трудом. Злобные взгляды этих странных существ заставляли бледнеть и трепетать от страха даже много повидавшего на своем веку Ураата. Собственно, именно из-за являемых сферой жутких картин жрецы-правители и наложили в свое время на посещение храма табу, нарушение которого каралось смертью. С тех пор все атталанты старательно делали вид, что Омфаала вообще не существует.

Камень со сферой тоже назывался Омфаалом и поначалу использовался как раз для получения предсказаний-пророчеств. Однако когда последнего жреца-предсказателя нашли в храме мертвым, охочих занять его место более уже не находилось. Тем более что бедняга не просто умер, а был разорван на части каким-то неведомым зверем. Жрецам долго тогда пришлось смывать и соскребать кровь с пола и стен храма...

«Итак, нужно идти к Омфаалу...» – от этой мысли Аатум невольно вздрогнул, и по лицу его пробежала тень. Жрецы-правители, внимательно наблюдавшие за ним, тоже заволновались. Между ними давно уже установилась незримая связь, благодаря которой они научились читать мысли друг друга: долгие часы и дни медитаций не пропали даром. Вот и сейчас жрецы без труда уловили мысль, посетившую Аатума. Но, разумеется, о том никто, кроме Посвященных, не должен знать...

– Мы благодарим тебя, – заговорил наконец Аатум, обращаясь к капитану. – Ты честно выполнил свой долг. Возвращайся на корабль и жди дальнейших распоряжений.

Капитан почтительно поклонился и направился к выходу – прямой, как мачта корабля. Звуки его шагов отозвались в безмолвствовавшем зале гулким эхом.

– Для начала хотелось бы выслушать ваше мнение, – обратился Сокрушитель Хаоса к сановникам, когда дверь за капитаном захлопнулась.

На самом деле он уже принял решение, просто требовалось соблюсти необходимые формальности, ибо власть жрецов-правителей не была в стране абсолютной. Каждый свободный гражданин Атталанты имел право голоса, и уж тем более сановники, представлявшие городские власти и нуумы – разные районы острова.

Сановники недолго вполголоса посовещались, и вскоре с места поднялся самый старый и уважаемый из них – Птаат, правитель Восточного нуума. Он заведовал многочисленными мастерскими, обслуживавшими нужды атталантов, но особенно славился своей справедливостью. Ему доверялось разбирательство самых серьезных тяжб.

– Донесению Наэф-Тууна можно верить, – молвил Птаат несколько напряженным голосом. – Боюсь, для нас наступают тяжелые времена, сходные с периодами страшных землетрясений, которые не раз уже случались в нашей истории. Правда, до сих пор в морскую пучину погружались лишь мелкие островки... – сановник перевел дух. – Как ни горько мне это говорить, но нужно, полагаю, готовиться к худшему. Если мы ничего не предпримем – значит, совершим преступление против собственного народа. Хотелось бы ошибиться, но после доклада капитана... – правитель Восточного нуума удрученно развел руками. Затем произнес уже более твердо: – Высший Совет решил верить нашу судьбу вам, о, Посвященные! Мы надеемся, что ваши ум и знания помогут отвести страшную беду от Атталанты.

– Спасибо за оказанное доверие, – Аатум поднялся и поклонился собранию. – Меры будут приняты. Мы сделаем все, что в наших силах. И да поможет нам Светозарная Атт! – Он поднял голову и руки кверху и произнес краткую молитву.

Сановники и жрецы повторили ее вслед за Сокрушителем Хаоса слово в слово.

Спустя некоторое время собрался другой совет – на сей раз в храме Матери Богов. Жрецы-правители были напряжены и мрачны, как на похоронах близкого

им человека. Они догадывались, что скажет им Аатум. Тот долго не решался высказать свое мнение вслух, ибо в иерархическом сообществе Посвященных оно должно было прозвучать приказом.

Наконец, тяжело вздохнув, Аатум изрек:

– Ситуация в стране сложилась тревожная и необычная. Никогда прежде с подобной проблемой мы не сталкивались. Думаю, вы не хуже меня понимаете, с чего именно нам предстоит начать. Не скрою, лично я предпочел бы иное решение, но на данный момент выход один – прибегнуть к общению с Омфаалом...

Слово было сказано, мысль обрела форму, и на встревоженных лицах жрецов-правителей отчетливо проступило чувство страха. Все с надеждой воззрились на Фраата. Но тот вынужден был разочаровать Посвященных.

– Если Гайя пробудилась, избежать масштабных катаклизмов не удастся, – пожал он плечами. – Все мы слышали сообщение Гееба, что на северном конце острова наметился тектонический разлом. Полагаю, это они и есть, первые цветочки. Боюсь только, что урожай будет горьким...

– А для чего тогда нужны твои хваленые ученые и лаборатории, на содержание которых тратятся безумные средства?! – взорвался Баал. – Чем вы там занимаетесь, позволь спросить?!

– Да уж явно не тем, чем ты, – недвусмысленно усмехнулся Фраат.

Не успевшую разгореться перепалку прервал грозный взгляд Аатума.

– Не время устраивать пустые свары! – сурово устыдил он Баала.

– Против воли богов мы бессильны, – попытался вернуться к теме разговора Раат. – Уж не знаю, чем мы их так прогневили...

– Сейчас нет смысла строить догадки, – перебил и его главный жрец-правитель. – Наказание за грехи неотвратимо, и всем нам это хорошо известно. Главное сейчас – найти выход из создавшейся ситуации. Возможно, все не так

уж плохо... Однако обратиться к Омфаалу все-таки придется. Иного выхода я пока просто не вижу.

Жрецы-правители потупились. Они прекрасно понимали, что Аатум прав, но общение с Омфаалом их пугало. Погибший жрец-прорицатель готовился к сеансам со сферой много лет, а у них вообще никакой практики не было.

...Обряд очищения длился до наступления сумерек. Поскольку к Омфаалу нельзя было являться с посторонними мыслями, жрецы, расположившись в храме Светозарной Атт прямо на полу, долго медитировали. До тех пор пока не стали мыслить как один человек. Затем рабы умастили их благовониями и облачили в тяжелую, плотно облегающую тело одежду, похожую на кольчужный убор воинов-атталантов. В грубую материю одеяний были вплетены нити орихалка. Высокие сапоги, сплетенные из кожаных ремней (спустя тысячелетия их назовут котурнами[5 - Котурны – высокие башмаки (сандалии) со шнуровкой и очень толстой пробковой подошвой. Имели широкое распространение у древних греков.]), тоже изобиловали металлическими деталями, витиевато соединенными с закрепленными на толстой подошве подковами и шипами.

На Скалу Атт жрецы поднялись, когда уже совсем стемнело. Дорогу им освещали прислужники – Посвященные более низкого ранга. Правда, освещали не факелами, а яркими фонарями, питание в которых поддерживалось крохотными кристалликами «огненных камней». Такие фонари применялись только в самых судьбоносных для Атталанты ситуациях. Тот запас «огненных камней», что был оставлен людям богами, постепенно убывал, поэтому их берегли: использовали в основном для резки гранита и мрамора и для выплавки железа и орихалка.

Стоило правителям войти в храм-хижину, как прислужники почти бегом припустили обратно. Спустившись к подножию Скалы Атт, они упали на колени и начали истово молиться.

Тем временем жрецы-правители при виде Омфаала вновь испытали чувство страха. Им было ведомо, что лучше всего сфера «предсказывает» по ночам. Но никто из них ни разу еще не вопрошал ее о будущем. Посвященные знали, что их очень длинная по человеческим меркам жизнь всецело принадлежит Светозарной Атт. Да и мудрые наставники предупреждали: жрец, познавший предписанную ему судьбу, не сможет исполнять свое предназначение должным образом. Ибо мысль о том, как отсрочить собственную кончину, будет

преследовать глупца везде и всюду подобно ночному кошмару.

Все же то, что касалось непосредственно Атталанты, было расписано на долгие годы вперед и не являлось для жрецов большой тайной. Родное государство представлялось Посвященным полноводной рекой, способной в половодье и луга затопить, и плотины сокрушить. Но если проявить терпение и, не вмешиваясь, немного подождать, буйство реки закончится, и она непременно вернется в свое русло. Требуется лишь успеть построить в нужном месте дамбу или посадить на плотине деревья, дабы они укрепили ее своими корнями...

Омфаал даже не светился – сиял. Огонь внутри прозрачной сферы бурлил как в плавильной печи. Воздух в хижине-храме был настолько наэлектризован, что спустя считанные мгновения по одежде жрецов-правителей потекли светящиеся струйки, похожие на дождевые. Но то были опасные для жизни струйки – их образовывали частицы, входящие в состав молний. Впрочем, сей факт жрецов не особо беспокоил: они знали, что, достигнув подошв сапог, светящиеся струйки исчезнут в земляном полу хижины.

Переборов страх совсем иного рода, жрецы приблизились к камню, окружили его со всех сторон, возложили руки на сферу и начали нараспев читать древнюю молитву. В свое время им очень хотелось поскорее ее забыть (слишком уж много энергии и душевных сил она отнимала!), но наставники вбили в их головы слова молитвы столь обстоятельно, что теперь они отскакивали от зубов словно бы сами по себе.

Какое-то время ничего не происходило. Только сияние сферы слегка потускнело и приобрело новые краски – весь спектр от зеленого до фиолетового. Затем раздался мелодичный звук, словно неподалеку заиграл пастуший рожок, цветные всполохи внутри сферы улеглись, и на их месте возникло достаточно отчетливое изображение... Атталанты! Прекрасный зеленый остров выглядел огромным кораблем на фоне синего моря. Спокойствием и умиротворенностью веяло от этой мирной картины, и сердца жрецов наполнились радостью.

Но что это?! Изображение покрылось вдруг мелкими трещинами, которые с каждым мгновением становились все шире и шире! Спустя какое-то время трещины окрасились в ярко-оранжевый цвет, и ошеломленные жрецы-правители увидели, как по их острову потекли... потоки лавы. Изображение увеличилось, стало четче... Уже можно было различить даже крохотные фигурки людей, бежавших к порту, заставленному множеством кораблей... А затем раздался

взрыв! Взметнулись вверх каменные глыбы, запылали дома, Атталанту заволокло черным дымом...

Не сговариваясь, жрецы в панике отскочили от Омфаала. Ужас сжал им горло железной рукой, и заключительный рефрен молитвы, напоминающей своим звучанием стихотворную балладу, так и остался произнесенным. Жрецы напряженно всматривались в помутневшую сердцевину сферы, надеясь в душе, что явленное им страшное видение – это всего лишь казус, недоразумение, случайный сбой в магическом механизме Омфаала, не имеющий никакого отношения к действительности... Когда мутная пелена в сфере рассеялась, в ней снова отобразилось безбрежное синее море. Но острова на его поверхности уже не было! На месте Атталанты темнело бесформенное пятно мелководья.

...Очередной совет длился всю ночь. Для обсуждения предсказания жрецы-правители снова собрались в храме Светозарной Атт. Чтобы не клонило в сон, они подкрепились двойной порцией хаомы, и теперь могли бодрствовать без ущерба для здоровья целых трое суток. Когда рассвело, Аатум решительно подытожил:

– Не верить Омфаалу мы не вправе. Тем более что картина, которую мы наблюдали в сфере, в точности соответствует рассказу гонца Наэф-Тууна. И пусть нам не удалось выяснить, когда именно произойдет трагедия, меры для спасения того, что в сложившейся ситуации можно спасти, мы принять обязаны.

– Чтобы за короткий срок вывезти из Атталанты всех людей и все наши сокровища, потребуется флот в десять раз больший, чем у нас есть, – мрачно отозвался Гееб. – И почему, кстати, мы должны верить Омфаалу? Да, не спору, его предсказания сбываются, но ведь он никогда – подчеркиваю, никогда! – не указывал на время свершения того или иного события. Ничто в этом мире не вечно, и это нам всем хорошо известно. Что, если Омфаал отобразил сегодня событие, которое произойдет на нашем острове лишь спустя тысячу лет? И стоит ли нам в таком случае паниковать?

– Мы об этом уже говорили, – поморщился Фраат. – Не стоит пускаться в полемику по второму кругу. Как и всем нам, мне очень хочется, чтобы твои слова оказались правдой, Гееб. Но, к сожалению, ты ошибаешься. Дело в том,

что я очень хорошо всмотрелся в изображение острова и заметил несколько неутешительных деталей. В частности, увидел одну из своих новых лабораторий так и стоящей без крыши – мы ведь, как вам известно, только еще намереваемся ее возводить. Следовательно, времени у нас осталось в обрез. От силы месяц.

– Но это ужасно!.. – потрясенно прошептал Раат и воззрился на статую Светозарной Атт. – Неужто, Мать Богов, ты решила оставить нас в своих милостях? – обратился он к ней с нескрываемым отчаянием в голосе.

– Замыслы богов непостижимы для смертных, – назидательно проговорил Аатум. – Светозарная Атт помогла нам уже тем, что показала будущее Атталанты. Остальное теперь зависит от нас. Поэтому, – голос его окреп и стал подобен громовым раскатам, – сегодня же отправим гонцов во все концы острова, чтобы собрать и привести в готовность как можно больше судов. Верфь отныне должна работать круглосуточно! Надо бросить туда дополнительную рабочую силу. Вывозить с острова будем только самое ценное. Но для начала нужно определиться, куда именно мы направимся...

– Земли варваров таят много опасностей, – рассудительно заметил Ураат. – Спешные сборы существенно ослабят наши силы, и нас там без труда уничтожат.

– Ты прав, Ураат, – согласно кивнул Аатум. – Подумаем, как утвердиться на новом месте без лишних жертв с нашей стороны. Но прежде составим списки тех, кого будем вывозить с острова в первую очередь. Если, как полагает Гееб, катастрофа наступит в ближайшие дни, то всех, к сожалению, вывезти мы не сможем. Первыми, считаю, должны отправиться в путь жрецы, ученые, ремесленники и воины – для охраны будущих поселений. – Главный жрец-правитель говорил четко, отрывисто, стараясь не отвлекаться на второстепенные детали.

«Наша судьба на коленях богов...» – последнее, о чем он успел подумать перед погружением в транс. Ибо, наметив планы на будущее, жрецы-правители уселись перед статуей Светозарной Атт и вновь принялись медитировать.

...Все вышло не так, как задумывалось.

Едва корабли с первыми переселенцами скрылись за горизонтом, как последовал подземный удар страшной силы. Остров затрясся словно в лихорадке, по земле зазмеились трещины (точно так же, как показывал и предсказывал Омфаал!), и из них начала выплескиваться огненная лава. Как выяснилось, на южной оконечности острова проснулся старый вулкан, о котором все давно уже забыли. Его склоны были сплошь покрыты зарослями кустарника, из созревших ягод которого изготавливался вкусный хмельной напиток, поэтому жрецы и ученые сюда практически не наведывались – здесь трудились лишь рабы да несколько надзирателей из числа свободных граждан.

А когда землетрясение закончилось, к Аатуму прибежал до смерти перепуганный жрец низкого ранга, в обязанности которого входило наблюдение за состоянием защиты Туаойя. Весь холм под храмом был изрыт подземными ходами, чтобы жрецы могли оценивать состояние свинцовой оболочки, в которой покоился, словно меч в ножнах, «огненный камень».

– О великий! – жрец пал перед Аатумом ниц и заголосил: – Мы пропали! Прости, о, правитель, я не виноват!

Сокрушитель Хаоса схватил служителя за шиворот и рывком поставил на ноги.

– Успокойся и объясни толком, что случилось! – рявкнул он, сверля подчиненного разъяренным взглядом.

– О, великий, землетрясение разрушило защиту... снизу! – Широко раскрыв остекленевшие от ужаса глаза, тот смотрел на Аатума как лягушка на удава. – И теперь вся сила Туаойя уходит в землю. Мы останемся без энергии! Это... это катастрофа!..

– Боюсь, это не катастрофа, а... конец, – обреченно произнес Аатум, опуская жреца на пол. Обладая незаурядной силой, он даже не заметил, что поднял беднягу, который был намного ниже его ростом, на уровень своего лица.

Сокрушитель Хаоса готов был застонать от ярости и бессилия, но сдержался: нельзя выказывать перед подчиненными слабость, пусть даже временную.

Итак, случилось самое страшное: землетрясение разрушило нижние защитные плиты подземной свинцовой оболочки, и сокрушительная энергия «огненного

камня» хлынула внутрь Гайи. Только теперь Аатум понял, почему в сфере Омфаала отобразился взрыв столь чудовищной силы. Туаой, его работа... «Интересно, сколько у нас еще осталось времени? – озаботился он, жестом приказав безутешному жрецу удалиться. – Скорее всего, совсем немного».

Оставшись один, Аатум подошел к статуе богини Атт и приложил руку к потайной нише в постаменте. Раздался едва слышный щелчок, и мгновением позже встревоженный голос Гееба спросил с запинкой:

– Что... случилось?!

Связью через статую жрецы-правители пользовались редко, в самых исключительных случаях. Механизма ее работы никто из них не знал, однако, где бы в пределах острова они ни находились, благодаря ей с ними всегда можно было моментально связаться прямо из храма. Голос Гееба прозвучал словно бы из-под земли, и Аатум невольно вздрогнул.

– Все меня слышат? – уточнил он, справившись с волнением.

– Да, да... – ответили вразнобой и другие жрецы-правители.

– Объявляю немедленный сбор у ангара с «воздушными стрелами»! Оставьте все свои дела. Повторяю: срочно к ангару! Объяснения при встрече.

Бросив последний взгляд на величественно холодное лицо Светозарной Атт, главный жрец-правитель тяжело вздохнул, произнес краткую молитву и, круто развернувшись, зашагал к выходу.

«Воздушные стрелы» были еще одним тщательно оберегаемым секретом жрецов-правителей. Тех «стрел», которые, согласно легенде, остались им в наследство от богов, насчитывалось совсем немного, а процесс изготовления новых оказался очень трудоемким и длительным. Поскольку за несколько истекших столетий отдельные технологии производства «стрел» были полностью утрачены, ученым Атталанти пришлось заменить их собственными разработками. Однако новые «воздушные стрелы» приходили в негодность быстрее, чем их строили, поэтому аппараты, способные переносить жрецов-правителей в любой конец государства по воздуху, оберегали как зеницу ока и использовали только в крайних случаях.

– Мы улетаем, – с ходу объявил Аатум жрецам, уже поджидавшим его у ангара. – Немедленно!

– Случилось что-то непредвиденное? – поинтересовался Раат, дальновидно прихвативший с собой целую сумку «огненных кристаллов».

Большую их часть уже отправили на покинувших Атталанту морских судах; на острове остался лишь запас, необходимый для дальнейших работ по эвакуации. Раат занимался подготовкой транспортирования и Туаойя, но прежде нужно было произвести его разрядку в атмосферу, а это могло занять не один день. К тому же требовалось изготовить еще и специальный контейнер для «огненного камня».

– Нарушена защита Туаойя, – глухо ответил Аатум. – В данный момент вся его разрушительная сила изливается в недра Гайи. Это значит, что с минуты на минуту остров будет разрушен.

Раат в отчаянии схватился за голову и издал стон, словно его пронзила острая боль. Остальные жрецы-правители застыли, будто громом пораженные.

– Всем занять места в «воздушных стрелах»! – громко скомандовал Аатум, выводя их из состояния оцепенения. – К сожалению, мы ничем уже не можем помочь нашим гражданам. И да примет их Светозарная Атт в своих чертоги! – возвел он взор к небесам.

– Я остаюсь, – заявил неожиданно Фраат. – Вдруг все окажется не столь мрачно, как мы себе представляем? Кому-то же надо ведь организовать эвакуацию оставшихся на острове граждан Атталанты! Не отговаривайте меня, я так решил.

Аатум хмуро кивнул: вольному – воля.

– Прощай, брат, – сказал он и крепко обнял Фраата.

– Прощай, брат...

– Прощай, брат...

«Воздушные стрелы» – длинные серебристые сигарообразные летательные корабли – взмыли в воздух и медленно поплыли в сторону океана. На глазах всех жрецов-правителей, припавших к окнам и прикипевших взглядами к оставшемуся внизу острову, выступили слезы. Каждый понимал, что история государства Атланта закончена. И словно в подтверждение их мыслей на месте храма Светозарной Атт вырос вдруг огненный гриб. Он поднимался все выше и выше, и жрецы с невыразимой болью в сердцах наблюдали, как одно за другим на острове стали рушиться здания. Будто были выстроены не из каменных блоков, а из песка... А вскоре начал разламываться на куски и сам остров.

Жрецы добавили «воздушным стрелам» скорости, но взрывная волна все равно догнала их, и какое-то время аппараты летели не прямо, а беспорядочно кувыркаясь в воздухе. Наконец воздушные судна удалось укротить, и вскоре пылающий и уходящий под воду остров – их любимая, прекрасная и несчастная родина! – остался далеко позади.

Великий Исход[6 - Великий Исход – гибель Атлантиды (примерно 11 800 г. до н. э.) и начавшееся вслед за этим трагическим событием освоение уцелевшими в катастрофе атлантами новых земель.] атлантов свершился.

Глава 1. Медвежья потеха

«Славен град Великий Новгород и славны дела его!» – пели гуслиеры-скоморохи на новгородском Торге, насчитывавшем почти две тысячи лавок, прилавков, амбаров и прочих торговых заведений и считавшемся самым оживленным местом города. Если товары не помещались в лавках, тогда их – хлеб, дерево, лошадей и прочее – продавали где придется, на любом свободном пятачке Торга. Торговые ряды шли в глубь Ярославова дворища прямо от берега реки Волхов.

На правом берегу Волхова находилась пристань: здесь река была глубже, чем у Детинца – городской крепости, поэтому именно сюда приставали корабли с товарами, в том числе с иноземными.

Река Волхов, вытекающая из расположенного неподалеку озера Ильмень, делила Великий Новгород на две части. Правая часть, относившаяся к восточному берегу, из-за наличия на ней главного городского Торга называлась Торговой, а левая, раскинувшаяся по западному берегу, – Софийской (с тех пор, как здесь был возведен храм Святой Софии). Обе стороны соединялись между собой великим волховским мостом.

На Ярославовом дворище возвышалась «степень» – помост, вокруг которого собиралось вече: триста «золотых поясов», то есть представителей наиболее именитых новгородских семей. С этого помоста старейшины обращались с речами к народу. Рядом со «степенью» возвышалась башня с колоколом, созывавшим новгородцев на вече. В нижней части башни размещалась канцелярия: сидевшие в ней дьяки и подьячие записывали постановления веча и составляли по поручению старейшин разного рода грамоты.

Торговая сторона Новгорода делилась на два конца – Плотницкий и Словенский, и часто именовалась Словенской – по названию второго конца. Софийская сторона делилась, в свою очередь, на три конца – Наревский, Загородский и Гончарский (или Людин). Именно на Софийской стороне, прямо у начала великого моста, высились стены Детинца. Все пять концов Новгорода были обнесены крепким земляным валом с башнями и рвом. От этих ограждений простирались во все стороны многочисленные посады, монастыри и монастырские слободы.

Великий Новгород был богатым торговым городом. Путь в Гардарику через Остергард (то есть Восточный город; так называли Великий Новгород в Скандинавии) варяжские воины и купцы прознали очень давно. Новгородские купцы вели обширную торговлю с городом Висби на Готланде, а также со Швецией и Данией. Готландские купцы имели в Новгороде собственные двор и церковь; равно как и на Готланде имелись двор и церковь, принадлежавшие новгородцам. Рядом с Готским (Варяжским) двором располагался также Немецкий двор, а в Любеке, в свою очередь, проживали русские купцы из Великого Новгорода. Поскольку немецкие купцы имели привычку селиться в Новгороде либо на всю зиму, либо на лето, их сообразно этому и называли – «зимними» или «летними» гостями.

Караваны немецких торговых судов шли, как правило, под охраной военных ганзейских кораблей, ибо море кишело пиратами. По достижении через Ладожское озеро устья Волхова заморский товар перегружался из глубоко

осевших под тяжестью груза крупных морских судов на более мелкие речные и сплавлялся далее уже по Волхову. В Новгороде товар выгружался и на извозчичьих телегах доставлялся к пунктам назначения. За доставку товаров к Немецкому двору извозчикам полагалось 10 кун[7 - Куна – серебряная денежная единица Древней Руси. Название произошло от шкурок куницы, которые до ввода монетного обращения играли у восточных славян роль платежного средства при торговле с арабским Востоком. В связи с тем, что куна была одной из основных и самых распространенных платежных единиц, древнерусская денежная система называлась «кунной», хотя и включала в себя помимо куны гривны, ногаты, резаны и веверицы. 1 гривна приравнивалась примерно к 50 г серебра. В XII–XIII вв. куна составляла 1/50 гривны. Ногата, куна, резана, веверица (векша) – древнерусские названия зарубежных монет, имевших хождение на Руси в ту пору. А в Киевской Руси термином куна обозначали вообще все серебряные монеты – дирхемы, русские сребреники и западноевропейские денарии.] с воза, а к Готскому – 15 кун.

Немецкий двор был обнесен высокой стеной и охранялся цепными псами и немецкими стражниками. Согласно заключенному договору, новгородцы не вправе были ни строить себе дома подле Немецкого двора, ни держать поблизости свой товар. В самом дворе стояли церковь и большое здание с просторной палатой – «гридницей», где собирались иностранные купцы. В том же здании имелись отдельные спальни, а также комнаты меньших размеров для слуг. Вокруг здания были выстроены клетки и амбары, куда складировались доставленные из-за моря товары. Но поскольку всякого добра привозилось такое множество, что в хозяйственных постройках оно не помещалось, приходилось сваливать его порой и в общей комнате, и даже в церкви.

– А что, брат Стоян, не пойти ли нам подхарчиться? – обратился к спутнику невзрачный с виду мужичишко, бросив в стоявший перед гусярами берестяной короб серебряную веверицу[8 - Веверица (векша, белка) – самая мелкая металлическая платежная единица Древней Руси (монетка или ее фрагмент). Название веверица восходит к тем временам, когда роль денег исполняли меховые шкурки. На одну счетную гривну шло приблизительно 100–150 вевериц. Эквивалент веверице – примерно 0,33 г серебра.].

Несмотря на невысокий рост, был он жилист, востроглаз и скор в движениях, чем изрядно напоминал хищную куницу. В отличие от стоявшего рядом с ним Стояна – рослого парня с румянцем во всю щеку, от которого за версту веяло

спокойствием и далеко не юношеской мощью. Народ, толпившийся возле гусляров, при виде его кулачищ размером с кузнечный молот на всякий случай старался вести себя как можно вежливей, однако без толкотни в толпе не обходилось: новгородцы любили поглазеть на представления скитавшихся с места на место скоморохов, «людей перехожих». Те были людьми опытными, много чего знавшими и находчивыми. А главное, веселыми.

– Дело глаголишь, Носок, – одобрительно прогудел густым басом Стоян. – Со вчерашнего дня, чай, не евши.

Выбравшись из толпы зевак, приятели отправились в расположенную неподалеку от Торга, на берегу Волхова корчму, принадлежавшую корчемщику по имени Шукша. Корчма была просторной и имела одну отличительную от заведений подобного рода особенность. Уж неизвестно, кто на нее Шукшу надоумил, но он устроил в своей корчме два входа-выхода: один – со стороны Торга, второй – со стороны реки. Построил также причал для лодок, и теперь любой прибывший речным путем человек мог, не ступив ни разу на землю, пройти по дощатому настилу прямо к столу. Местные лодочники, перевозившие грузы с берега на берег, нашли сие обстоятельство весьма удобным, поэтому корчма Шукши практически никогда не пустовала.

Но мало кто ведал, что по ночам на Волхове, словно выныривая из его темных глубин, частенько появлялись ушкуи[9 - Ушкуй – легкое гребное судно. Названо по имени большого полярного медведя ушкуя. Ушкуи идеально подходили для дерзких набегов. Речной ушкуй имел длину 12–14 м, ширину около 2,5 м, осадку 0,4–0,6 м и высоту борта до 1 м. Грузоподъемность ушкуя достигала 4–4,5 т. Укрытий ни в носу, ни в корме не имелось. Ушкуй мог, не разворачиваясь, моментально отойти от берега. При попутном ветре на У. ставили мачту-однодревку с прямым парусом на рее. Для подъема паруса верхушка мачты снабжалась нащечинами. Простейший, без блоков такелаж крепился за скамьи, а носовая и кормовая растяжки – на соответствующих оконечностях. Весла в местах соприкосновения с обшивкой обтягивались толстой кожей.], с которых у корчмы торопливо сгружались разные товары, преимущественно заморского и явно краденого происхождения. Ближе к утру их забирали доверенные люди и распределяли затем по торговым рядам. Шукша имел с этих операций немалый доход, но старательно скрывал свою состоятельность. Что было несколько необычно для Великого Новгорода, ибо богатство здесь считалось сродни доблести: многие всеми способами стремились попасть в число трехсот «золотых поясов», дабы рядить-вершить общественные дела.

– Мечи на стол все, что есть! – приказал Носок разбитному парню, ходившему у Шукши в помощниках.

Помещение корчмы не страдало вычурными излишествами: грубые длинные столы, тяжелые скамьи, непритязательного вида посуда – словом, на первый взгляд здесь все было как в любом другом заведении подобного рода. Однако тесные связи новгородского купечества с иноземцами не могли не повлиять на корчемщиков, всегда державших нос по ветру, и уж тем более на ушлого Шукшу. Потому вместо хорошо утрамбованной глины под ногами у посетителей его корчмы поскрипывал дощатый пол, а в ее дальнем конце, неподалеку от прилавка, за которым хлопотал сам хозяин, возвышался, словно в каком-нибудь ливонском замке, большой камин с трубой – вещь для марта месяца, не баловавшего новгородскую землю теплом и солнечными днями, весьма полезная. Кроме того, в корчме имелись самые настоящие окна (точнее, небольшие квадратные оконца) с вставленным в них дорогим привозным стеклом, а не с натянутыми на раму бычьими пузырями. Главная же необычность заведения Шукши заключалась в отсутствии при нем постоянного двора, как то издавна практиковалось на Руси, поэтому за ночной суетой у корчмы могли наблюдать разве что бездомные псы.

Парень, обрадованный щедрым заказом, притащил целую гору снеди и две корчаги – с квасом и мёдом[10 - Мёд до конца XVII в. почитался лучшим русским хмельным напитком. Меды бывали вареными (варились) и ставлеными (только наливались), а по способу приготовления и входящим в их состав приправам подразделялись на простой, пресный, белый, красный, боярский, ягодный и т. д.]. Осмотрев дело рук своих, он решил, что перестарался и слегка стушевался, однако Носок, с вожделением принюхавшись к аппетитным запахам, милостиво молвил:

– Слышь, паря, ты это... далеко не убегай. Опосля ишшо добавку принесешь.

Помощник любезно осклабился и поклонился. Удаляясь и бросив взгляд через плечо, увидел, что клиенты накинудись на еду с таким рвением, словно голодали по меньшей мере неделю, но хотя и подивился в душе их прожорливости, виду не подал.

Горячее хлёбово из рыбицы с зельем[11 - Зелье – ароматические травы: укроп, чабрец, мята и пр.] и мясные пироги приятели проглотили, словно за шиворот закинули. Потом пришел черед верченому барашку, зайчатине, соленым грибам,

тельному из рыбы, ломтикам пареной репы, гречневой каше с рыбьей икрой и сладким коврижкам. Когда служба совершил к их столу второй заход, Стоян с Носком изрядно уже разомлели, но завидного аппетита до конца не утратили. Потому заказали еще и гусиные шейки с шафраном и тапешками[12 - Тапешки – калачи.], поджаренными ломтиками на гусином жиру, вяленую говядину с чесноком, оладьи с медом, маковые пряники и добавочную корчагу мёда.

Пока друзья насыщались, в корчму гурьбой ввалились скоморохи-музыканты с традиционными гудком[13 - Гудок (смык) – трехструнный смычковый безгрифовый музыкальный инструмент. Звуки извлекались из гудка изогнутым погудальцем (смычком). На Западе аналогичным инструментом служил фидель (нем.)], дудками, свирелями, бубнами и колокольцами. Народ в харчевне оживился, разразившись приветственными криками. Музыканты же, расположившись прямо у входа, принялись деловито настраивать свои инструменты. А их затейник (поэт-певец) начал тем временем развлекать публику «тонцем» – рассказом на христианские мотивы:

Реки-то, озера – ко Новугороду,

Мхи-то, болота – ко Белоозеру,

Широки раздолья – ко Опскому,

Тесные леса – ко Смоленскому,

Чистые поля – к Ерусалиму...

Когда же своего рода разминка – вознесение хвалы христианскому благочестию – закончилась, в дело залихватски вступили скоморохи:

Ах, у нашего сударя, света-батюшки,

У доброго живота, все кругом ворота!

Ой, окошечки в избушке косящатые,

Ах, матицы в избушке таволжанные,

Ах, крюки да пробои по булату золочены!

Благослови, сударь хозяин, благослови, господин,

Поскакати, поплясати, про все города сказати.

Хороша наша деревня, про нее слава худа!

Называют нас ворами и разбойниками,

Ах, ворами, блядунами, чернокнижниками!

Ах, мы не воры, ах, мы да рыболовы,

Ай, мы рыбочку ловили по хлевам, по клетям,

По клетям да по хлевам, по новым по дворам...

Если поначалу новгородская корчма служила местом, куда народ мог прийти, чтобы утолить голод и жажду, насладиться дружеской беседой да послушать скоморохов, то постепенно, в силу частых сношений новгородцев с зарубежными купцами, перестроилась под иноземный манер. Так, в подобных заведениях западных славян приставы давно уже знакомили посетителей с постановлениями правительства, судьи творили суд, решали возникавшие между приезжими конфликты, то есть другими словами, корчмы отчасти стали напоминать ратуши и гостиные дворы. И если изначально западнославянские корчмы были вольными заведениями, то уже к 1318 году, о котором здесь и идет речь, большинство из них превратились в княжеские, казенные. Лишь в Великом Новгороде корчма по-прежнему крепко удерживала свои вольности, и никто ей был не указ. Но и тут можно было говорить на любые темы, судить-рядить дела общественные и торговые и даже собирать, при надобности, малое народное вече.

– Ох, хорошо гульвоним... – Осоловевший Носок подпер кулаком подбородок и, глуповато ухмыляясь, уставился на скоморохов, которые уже вовсю отплясывали, сыпля налево и направо прибаутками. – Ишь как выкомаривают, стервецы!..

– А то... – Стоян с сожалением заглянул в пустую корчагу. – Заказать бы ишшо малехо, да калита[14 - Калита – кожаная сумка, подвешенная к поясу.] наша ужо прохудилась.

– Возьмем в долг. Шукша не откажет.

– Как же, не откажет... Да у него и снега зимой не вымолишь.

– Так это ежели не знашь, как на ево наступить.

– Лутше не надыть. Не то попадем к нему в кабалу похуже басурманской.

– Да-а, Шукша, конечно, не калач с медом, но... – Носок хотел добавить что-то еще, но в этот момент его внимание привлекла занявшая освободившиеся за их длинным столом места небольшая компания во главе с хорошо одетым статным мужчиной. Носок тотчас притих и насторожил уши.

Вновь прибывшие заказали дорогой ставленный мёд и повели вполголоса неторопливую беседу. Но сколь Стоян, заметивший настороженность приятеля, ни прислушивался к их речам, так ничего понять и не смог: вроде бы и по-русски те говорили, а все равно выходила какая-то тарабарщина. Улучив момент, когда соседи по столу, приложившись к мёду, освоились с обстановкой и почувствовали себя вполне уже вольготно, Стоян склонился к Носку и тихо спросил:

– Что за люд?

– Ушкуйники[15 - Ушкуйники – члены вооруженных дружин, формировавшихся в XIV–XV вв. на Новгородской и Вятской землях для захвата новых территорий на Севере и торгово-разбойничьих экспедиций на Волгу и Каму.], – тоже шепотом ответил Носок. – Вон тово, который черный как галка, я знаю. Энто Лука Варфоломеев, атаман ихний. Ватага у него добрая – народ в ней битый. Таким на зуб лучше не попадать.

– Ух ты! – Глаза Стояна загорелись. – Вот бы к нему напроситься. Мы-то ведь совсем уж поиздержались, а скоро вода на реках станет чистой и народ выйдет на промысел...

– Лука в свою ватагу абы кого не берет.

– Худо... – огорчился Стоян. – А што у них за язык такой странный?

– Э-э, брат, ево не каждому дано знать, – хвастливо протянул Носок. – Меня, помнится, аж два года на него как щенка натаскивали... Это ишло когда я у атамана Бобра, Царствие ему Небесное, – он небрежно перекрестил живот, –

в мальчонках бегал... Язык ушкуйников и впрямь особый, тайный, чтоб своих можно было везде узнать.

– И о чем они сейчас гуторят?

– Да вроде как Лука Варфоломеев со товарищи охочий люд[16 - Охочий люд – промышленные, гулящие и торговые люди, принимавшие участие в походах ушкуйников добровольно, без государева либо воеводского приказа. Часто – новгородская голытьба и пришедшие с «низу» (Смоленска, Ярославля, Твери) беглые холопы. Охочий люд – те же ушкуйники, но не промышлявшие ратными трудами в качестве основной профессии.] набирает. Кажись, большое дело задумал, на басурман пойдет.

– Надо проситься! – снова загорелся Стоян.

– Боюсь я его, – признался Носок.

– Почему?! – удивился Стоян.

– Они с Бобром были не в ладах. Дошло раз до драки. Кровь пролили... Я тогда тоже задних не пас. А ну как вспомнит меня? Дело-то хоть и давнее, но все же...

– Тогда я сам! – отважно заявил Стоян. – За нас обоих попрошу.

– Што, прямо сейчас?!

– А чего тянуть? И где мы ево потом сыщем?

С этими словами Стоян решительно поднялся и подошел к ушкуйникам. Те тотчас смолкли и настороженно уставились на парня. Вежливо поклонившись всей компании, Стоян пробасил:

– Хлеб вам да соль!

– Едим да свой, – в тон ему откликнулся один из ушкуйников.

– Тебе чаво надобно, паря? – грубо осведомился Варфоломеев.

– Прими в ватагу, атаман, – тихо, но с чувством попросил Стоян.

Ушкуйники переглянулись и вмиг посуровели. Собственно говоря, это были речные пираты, русские викинги. Профессионалы-ушкуйники, нередко возглавляемые боярином, вкупе с набранным для усиления охочим людом сбивались в очень мобильные ватаги, грабившие потом приречные поселения и купеческие корабли. Члены таких формирований были вольны в своих делах и поступках. Могли даже перейти на сторону другого князя, если тот обещал платить больше, нежели прежний хозяин.

При набегах ушкуйники не различали ни русских, ни татар, ни черемису – грабили всех подряд и брали все, что плохо лежало и худо охранялось. Захваченных в плен татар и болгар ушкуйники обычно убивали, тогда как русских купцов всегда отпускали на свободу. Предварительно обобрав до нитки, разумеется. (Новгородское купечество ушкуйники старались не трогать; за исключением тех редких случаев, когда в дело вступала шальная ватага, членам которой было все равно кого грабить.) И все же время от времени ушкуйники конфликтовали с новгородскими купцами, нанося тем своими действиями немалые убытки, поэтому, появляясь в Новгороде, старались не привлекать к себе особого внимания: перспектива встречи с кем-нибудь из старых «знакомых» им совсем не улыбалась.

С другой стороны, ушкуйники представляли собой неофициальный военный флот Великого Новгорода. Новгородское вече и новгородские бояре поручали им сбор дани с обширных северных владений Новгорода, а также многие другие опасные предприятия. Отправляясь по рекам на ушкуях и насадах, ушкуйники проникали далеко на север и восток, где завоевывали для Новгорода новые колонии – по берегам Северной Двины, Волги, Камы и Вятки – и помогали тем самым купцам расширять торговлю.

– Откуда знашь меня? – спросил Варфоломеев, прожигая Стояна своими черными глазищами словно насквозь.

– Как не знать, – широко улыбнулся парень, – коли слава твоя впереди тебя бежит?

Ушкуйники одобрительно заулыбались, подозрительность в их взглядах сменилась доброжелательностью: грубая лесть Стояна явно пришлась по душе. Взгляд Луки Варфоломеева тоже потеплел, однако лицом он продолжал оставаться неподвижен.

– Ты один? – спросил атаман, по-прежнему пристально вглядываясь в слегка наивные голубые глаза парня.

– Нет. Нас двое.

– Овец стригли?

На какое-то мгновение Стоян растерялся, не поняв сути вопроса, но, быстро вспомнив рассказы Носка, с напускной солидностью протянул:

– Приходилось...

Парень сказал неправду. Его приятель Носок в прошлом и впрямь какое-то время «стриг овец» – грабил купцов вместе с ушкуйниками. Что же касается самого Стояна, то он сызмальства ходил по реке лишь с рыбацкой артелью, к которой два года назад и примкнул изрядно отощавший от долгих скитаний Носок. Несмотря на солидную разницу в возрасте (Носок был почти на десять лет старше Стояна), они сильно сдружились, поэтому когда бывший ушкуйник, обладавший строптивым характером, повздорил с артельным атаманом и его выгнали из артели, юноша долго думать не стал: собрал свои немудреные пожитки, вместившиеся в один-единственный заплечный мешок, и покинул артель вместе с новым товарищем.

– Это хорошо, – похвалил Варфоломеев. – А оружие и доспех имеете?

Стоян потупился и смущенно развел руками: тут ему похвастаться было нечем. Два ножа и кистень Носка не в счет, а из рассказов приятеля он знал, что каждый ушкуйник непременно должен иметь личные копье, лук, саблю, шлем и кольчугу, а то и панцирь. Конечно, оружие можно было бы добыть и в походе, но новобранцам – охочему люду – подобная удача выпадала лишь в том случае, если ватага не могла набрать нужного количества людей.

Бить басурман считалось тогда в Новгороде делом законным и похвальным, поэтому оружием и деньгами ушкуйников часто снабжали богатые новгородские купцы. Но не безвозмездно – по возвращении из похода ватаге приходилось щедро делиться с ними добычей. Сейчас же, похоже, Лука Варфоломеев решил не влезать в долги. Или же намечал тайный поход, о котором никто из посторонних не должен был пронюхать. Атаманы ватаг хорошо знали, что иноземные купцы в Великом Новгороде имеют платных осведомителей, причем как из голытьбы, так и из числа зажиточных горожан, и потому рядовым ушкуйникам (за исключением особо доверенных лиц) о своих планах в целях предосторожности не сообщали.

– Понятно, – молвил Лука с кислой миной. – Что ж, добудете оружие – милости просим. Даю вам на это седмицу[17 - Седмица – неделя.]. Встреча здесь же, в такое же время, – подытожил он и, отвернувшись от Стояна, словно разом забыл о его существовании, продолжил разговор со своими спутниками на понятном только им языке.

Потупившись, парень вернулся на место.

– Ну што, получил отлуп? – полюбопытствовал Носок.

– Оружие иметь надобно... – мрачно ответил Стоян. – А где нам ево взять?

– Главное, не где, а за какую деньгу, – со вздохом проговорил Носок. – Да-а, незадача. И я, как на грех, аккурат вчерась свой панцирь продал...

– Зачем?!

– А затем, друг мой, што нам и за постой платить надыть, и харчиться. Покуда работу не найдем.

– Эх!... – Стоян пригорюнился, едва не плача.

– Да будет те... – Носок успокаивающе похлопал его по литому плечу. – На Варфоломееве свет клином не сошелси: другим атаманам хорошие бойцы тоже нужны. Ежели имеешь желание в охочий люд податься, так я поспрошаю.

Расплатившись за ужин, приятели покинули корчму Шукши. Уходя, Носок лопатками чувствовал острый взгляд, которым сопровождал его Лука Варфоломеев. «Неужто признал?!» – подумал, холодея, Носок. Он даже от Стояна скрыл, что в той памятной драке схватился с самим атаманом. И не приди тогда на помощь Варфоломееву его люди, давно бы он уже кормил раков на дне Волхова.

...Небо над Великим Новгородом очистилось от туч, и яркое весеннее солнце вызолотило маковки храмов, украсило бриллиантовой пылью начавшие таять сугробы и добавило радостного настроения развлекавшемуся по случаю праздников народу. Как правило, ни одна масленичная неделя в Новгороде не обходилась без медвежьего представления, весьма популярного и у городских, и у деревенских жителей. Православные священники сию народную забаву строго осуждали, называя «бесовским угодьем» и «богомерзким делом», однако, несмотря на все запреты и гонения, медвежья потеха продолжала существовать, веселя и радуя крестьян и бояр, ремесленников и князей, взрослых и детей. Особенно же прижилась эта забава в вольном городе Великом Новгороде, где недостатка в храбрецах-удальцах никогда не было и где язычество испокон веков успешно сосуществовало с христианской верой.

С учеными медведями ходили по Руси с незапамятных времен. В народе медведь ассоциировался и с лешим, и с языческим богом Велесом[18 - Велес – один из многочисленных богов славянской мифологии. Почитался как бог волхвов, повелитель живой природы, покровитель домашнего скота, животных и богатства, попечитель торговцев, скотоводов, охотников и землепашцев. Его супруга Макошь считалась богиней-покровительницей Земли и одновременно Небесной Пряхой, прявшей нити человеческих судеб.]; считалось даже, что он обладает магической целебной силой. А крестьяне были твердо убеждены, что медведь сильнее самого нечистого и способен отвести беду: если, к примеру, спляшет подле дома, да еще и обойдет вокруг него, то пожара никогда не случится.

Вечным спутником медведя и поводыря была также бодливая коза, которую обычно изображал мальчик, наряженный в мешок с прикрепленной к нему козлиной головой с рожками и приделанным на уровне лица длинным деревянным языком. «Коза» выплясывала вокруг медведя, дразня его и покалывая деревянным языком, а медведь бесился, рычал, вставал на задние лапы и кружил вокруг поводыря. Считалось, что это он так танцует. По окончании представления поводырь, сыпавший во время неуклюжей пляски

спутников шутками-прибаутками, давал медведю в лапы короб, и тот обходил с ним честную публику. Благодарные зрители бросали в короб веверицу, калачи, вяленую рыбу, куски мяса и прочие съедобные лакомства.

Довольно часто и поводыря, и медведя щедро угощали водкой, после чего изрядно опьяневший мужик-поводырь предлагал медведю «побороться». Их борьба вызывала у публики бурю восторга, хотя и не всегда, увы, заканчивалась для поводыря благополучно.

Сегодня Стоян и Носок попали на другую разновидность медвежьей потехи – на единоборство с медведем человека из числа добровольцев. Такие состязания тоже были чрезвычайно популярны в Новгороде и устраивались не только для князей и бояр, но и для простого народа. Причем участвовать в схватке с медведем могли как специально нанятые для этой цели профессиональные ловчие, так и любые храбрецы, любители острых ощущений. Бои проходили на специально огороженной площадке. Для них заблаговременно отлавливались матерые дикие медведи, на одного из которых человек и шел потом с одной лишь рогатиной[19 - Рогатина – славянское копье, предназначенное для рукопашной схватки, укрощения боевых коней или охоты на крупного дикого зверя: медведя, кабана и пр. Ратовище (древко) рогатины изготавливалось в рост человека (и более) и достаточно толстым и прочным, чтобы можно было принять зверя, уперев подток (конец древка) в землю. Простые охотничьи рогатины могли быть цельнодеревянными или с наконечником из рога. Ниже наконечника зачастую находилась перекладина, препятствовавшая слишком глубокому проникновению рогатины в тело животного. Острый наконечник (или вся конструкция вместе с перекладиной) назывался рожином.] в руках. Впрочем, схватка вооруженного рогатиной человека с медведем считалась тогда самым обычным способом охоты на зверя. На бой же выходили представители любых сословий и чинов – от простого люда до детей боярских и княжеских.

Нынешний медведь был сильно разъярен и оттого еще более страшен. Видимо, его разбудили, выманили из берлоги и отловили сетью, и теперь он бесился не столько из-за обступивших клетку людей, сколько из-за утраченной возможности досмотреть зимний сон. Судя по отличной, не свойственной зимним медведям упитанности, по шелковистому блеску шерсти и налитым мышцам, после отлова его успели хорошо откормить. На вид ему было лет пятнадцать – именно тот возраст, когда медвежьи реакции отличаются быстротой, а действия – стремительностью.

– Ух ты, каков зверюга! – не удержался от восхищенного восклицания Носок. И добавил: – Но не хотел бы я с ним встретиться в лесу, пущай даже и оружный. А ужо здеси... – Он указал пальцем на место, отведенное для медвежьей потехи, и замолчал.

Площадка-арена была огорожена бревенчатым забором, преодолеть который не смог бы даже медведь; по крайней мере быстро и споро. Однако на всякий случай сразу за забором стояли лучники и копейщики: вдруг медведь окажется слишком шустрым и сообразительным? Сами же зрители толпились на мостках, несколько возвышавшихся над местом, где должна была состояться медвежья потеха.

– А кто у нас силен, аки богатырь, кто храбр?! – громко вопрошал зазывальщик. – Подходи, народ честной, сам Хозяин ждет лесной!

Довольно долго на его призыв никто не отзывался: новгородцы обладали редкой для русского человека рассудительностью и, судя по всему, никого из них пока не прельщала перспектива пасть посреди светлого праздника Масленицы жертвой столь страшного зверя. Поняв, что представление может не состояться, хозяин медведя предпринял другой шаг: решил заманить храбреца с помощью самого сильного и надежного средства – денег. Будучи человеком небедным, он достал из калиты цельную гривну, продемонстрировал ее со всех сторон публике и объявил:

– Тому, кто сразится с Хозяином, достанется эта награда!

Сие предложение оказалось сильнее любых других аргументов, и из толпы тотчас выступил крепкий мужик среднего возраста. Без лишних слов он взял в руки предложенную ему рогатину, внимательно осмотрел ее, проверил остроту лезвия и прикинул оружие на вес. Видно было, что орудовать рогатиной ему предстоит не впервой. Мужик ударил с владельцем медведя по рукам, заключив таким образом устный уговор, а затем прошел за ограду и встал в противоположном от клетки со зверем конце площадки.

Медведь, словно почуяв, что в лице двуногого существа с рогатиной в руках перед ним стоит сама смерть, буквально вспенился от обуявшей его дикой злобы. В бешенстве он бросился на дверь клетки, но та выдержала – устояла. Тогда медведь во весь голос заревел, да так, что в близлежащих домах от испуга

заплакали малые дети, а в воздух взмыли стаи диких голубей, кормившихся в Хлебном ряду новгородского Торга.

Хотя мужик и старался не подавать виду, заметно было, что он волнуется. Широко расставив ноги, он продолжал стоять как вкопанный, зорко наблюдая за зверем, которого выпустили наконец из клетки. К удивлению публики, медведь не бросился на человека сразу, как это обычно случалось на подобных зрелищах, а стал медленно приближаться к нему, точно подкрадываясь.

Бывалые воины, стоявшие в оцеплении с оружием наизготовку, встревожились: всем им хотя бы раз в жизни доводилось охотиться на медведя, и сейчас реакция зверя на мужика с рогатиной явно их озадачила. Подобное поведение Хозяина леса могло означать только одно: у него тоже был уже опыт схватки с человеком. И чем она закончилась, угадывалось легко. Значит, на арене – медведь-убийца. А может, и воплотившийся в него сам бог Велес, который, как уверяли матерые охотники, способен даже мысли человека читать.

– Да-а, не повезло мужику... – сказал подумавший о том же Носок. Он хотя и был крещеным, но от веры отцов и дедов не отказался и давно уже понял, что за зверя выпустили на площадку. – Этого Хозяина абы кто не возьмет...

Медведь напал неожиданно. На задние лапы, чего напряженно ожидал мужик, он встал только когда подошел совсем близко, поэтому удар рогатиной в его грудь получился без замаха, слабым. Но это было еще полбеды. Сила и сноровка у мужика оказались отменные, да, видать, не судилось ему в этот день одолеть медведя – рожон не вошел в грудь зверя, а лишь скользнул по ребру. Потому уже в следующее мгновение Хозяин подмял противника под себя.

Даже лежа на спине, мужик продолжал бороться. Видимо, близость смерти придала ему нечеловеческую силу: он сумел схватить медведя за нижнюю челюсть и теперь удерживал ее, стараясь не позволить зверю пустить в ход клыки. Но вся одежда на груди мужика была уже изодрана медвежьими когтями в клочья, из многочисленных кровавых борозд на деревянный помост обильно струилась кровь...

Стоян сам не понял, какая сила сорвала его с места и перебросила через ограду. Он схватил рогатину, лежавшую неподалеку от места рукопашной борьбы человека с медведем, и с размаху вогнал ее под левую лопатку зверя.

Это случилось так быстро и неожиданно, что никто из зевак ничего поначалу и не понял. В отличие от окровавленного мужика, который смог самостоятельно выбраться из-под медвежьей туши.

– Я твой должник, – сказал он Стояну, тяжело дыша. – Держи... – С этими словами мужик снял с шеи оберег и вручил его спасителю. – Храни его. Он тебе пригодится. Бывай... – Слегка пошатываясь, мужик вышел за ограду и исчез в толпе.

Публика, осознав наконец произошедшее, начала ревом и криками приветствовать продолжавшего стоять на площадке слегка растерянного Стояна.

– Награду, награду!.. – требовали зрители.

Хозяин медведя вознамерился уж было зажилить гривну – победу-то в схватке одержал ведь не тот, с кем у него состоялся уговор, – но перед натиском толпы не устоял: натянув на постное лицо радостную улыбку, всучил Стояну серебряный брусочек. Парень поклонился ему и людям и, следуя примеру мужика, поспешил покинуть место медвежьей потехи. Присоединившийся к нему Носок с восхищением молвил:

– Ну ты дал, дружище! Такого зверюгу насадил на рогатину, как... как рыбину на кукан! Какая ж вожжа тебе попала под хвост?

– Я и сам не знаю, – признался Стоян. – Што-то ударило в голову... а дальше ничего не помню. Вот, – показал он Носку свой приз. – Повезло...

– Эх, паря, да ты даже не догадываешься, как тебе повезло! Этого хватит ведь, чтоб нам вооружиться с головы до ног! Теперь-то хоть понял, какую удачу поймал за хвост?

– Теперь понял... – Стоян блаженно улыбнулся.

– То-то. Потому предлагаю вернуться в корчму – это дело надо обмыть. А в оружейные ряды пойдем завтра, с утра.

– Хочешь гривну порубить? – беспокоился Стоян.

– Ни в коем случае! Погодь, у меня тут кое-что завалялось... на черный день... – Носок деловито полез за пазуху, долго шарил там и наконец извлек наружу две серебряные монеты. – Во, видал?! Литовские денарии[20 - Денарий литовский – денежный знак, чеканившийся в Великом княжестве Литовском со второй половины XV в. Поначалу назывался пенязом (10 пенязов составляли 1 литовский грош). Выпуск денария литовского прекратился в 70-х годах XVI в.]. Ну так что, идем?

– Идем!

И аккурат в этот момент, словно в честь триумфа Стояна, зазвонили колокола церкви Святого Иоанна на Петрятином дворище, и малиновый звон поплыл над Торгом, наполняя души христианского люда благостью, а мысли – предвкушением сытного масленичного застолья. То наступило время обедни.

Глава 2. Подготовка к походу

Новгородский Торг бурлил. Небо, как на заказ, очистилось от туч, предвещавших с утра снежный заряд. По счастью, тот обошел город стороной, и теперь буйно светило яркое солнце, щедро одаривая красками и без того многокрасочный людской разлив. Особенно радовало глаз разноцветье одежд состоятельных горожан мужского пола. Аксамитовые ферязи[21 - Ферязь, ферезея – старинная русская одежда (мужская и женская) с длинными, свисающими до земли рукавами, без воротника и перехвата. Ферязь была широкой в подоле (до 3 м), на груди имелись нашивки (по числу пуговиц) с завязками и кистями. Ферязь шили на подкладке (холодная ферязь) или на меху, из дорогих тканей с добавлением золота. Разновидности ферязи: мовные, постные, становые (с перехватом на поясе), ездовые, армяшные (из верблюжьей шерсти). Ездовая ферязь – верхняя одежда с богатым украшением. Женская ферязь называлась ферезеей.] соседствовали с богатыми шубами, покрытыми переливчатыми шелками, нередко с золотым или серебряным шитьем; козыри (высокие стоячие воротники) были украшены мелким речным жемчугом – жемчужной зернью; золотые и серебряные пуговицы с драгоценными камнями, стоившими подчас дороже самих платьев, сверкали подобно россыпи маленьких солнц.

Не отставали от своих знатных мужей и горожанки, щеголявшие в еще более ярких и нарядных одеждах. Чело женских кик[22 - Кика – головной убор замужних женщин, разновидность кокошника. Кика представляла собой твердую цилиндрическую шапку с плоским верхом, уплощенной задней частью и с небольшими лопастями, прикрывавшими уши.] изготавливалось из серебряного листа, обтягивалось нарядной тканью и украшалось золотом, жемчугом и драгоценными камнями, а задняя часть (подзатыльник) шилась из собольего или бобрового меха. Шубки из куниц, выдр и лис, крытые паволоками[23 - Паволоки – восточные вышитые шелка.], выглядели под стать дорогим фerezям мужей.

Народ победнее и выглядел посрее. Особенно мужики – шапка, портки да зипун. А вот жены и дочери ремесленников запросто могли посостязаться с товарками из купеческого и боярского сословий если не дороговизной, то по крайней мере яркостью и красочностью нарядов: покрытые яркой тканью и вышитые кокошники, подшитые беличьим мехом кортели[24 - Кортель – летник, подбитый на зиму мехом.] из цветастого аксамита, алые суконные фerezеи с меховой оторочкой, золотые и серебряные височные кольца, подвешенные к головным уборам на разноцветных лентах...

Как и во всех русских городах, новгородский Торг состоял из рядов-улиц, коих здесь насчитывалось целых сорок три: Ветошный, Иконный, Кафтанный, Кожевный, Котельный, Красильный, Льняной, Мыльный, Овчинный, Пирожный, Рыбный, Сапожный, Серебряный, Сермяжный, Хлебный, Холщевный, Чупрунный, Шубный и другие. Некоторые ряды носили сразу несколько названий.

Главный ряд назывался Великим, но горожане чаще именовали его Сурожским. Он тянулся сначала вдоль Волхова, а от Великого моста сворачивал к Немецкому двору. Лавки Великого ряда выходили на Ярославово дворище и Вечевую площадь, где торговали богатые новгородские купцы и приезжие русские гости. Кроме рядов на Торгу имелись еще и обширные торговые площадки (Коневая, Хлебная горка), а возле церкви Иоанна Предтечи торговали прямо с рук.

Церковь Иоанна Предтечи на Опоках построил в 1127 году князь Всеволод Мстиславич, передав потом богатым новгородским купцам, торговавшим воском. Князь же вручил им и уставную грамоту, определявшую условия приема в Иванскую братчину и ее права. Вступительный взнос в братчину был довольно велик – пятьдесят гривен серебра. Но зато «пошлые» купцы – то есть

уплатившие пошлину-взнос – получали впоследствии большие привилегии.

В церкви были установлены весы: только здесь разрешалось взвешивать воск и мед. Пошлина за взвешивание – «весчее» – шла в пользу братчины. Здесь же, в церкви, хранились эталоны мер: «локоть иванский», «медовый пуд», «гривенка рублевая», «скалвы (весы) воцанные». За пользование этими эталонами тоже взималась плата.

При церкви работал купеческий суд, возглавляемый тысяцким. На этом суде разбирались тяжбы и конфликты, которые возникали между новгородцами и зарубежными купцами. Нередко купцы-общинники устраивали в здании церкви пиры, и если те заканчивались дракой, тогда суд и следствие вели уже сами члены Иванской братчины.

Нужный Носку и Стояну Оружейный ряд начинался от церкви Параскевы Пятницы. Собственно, ряда как такового тут не было: подобно распадающейся на многочисленные притоки полноводной реке он делился на множество мелких торговых улочек, где сбывали свой товар разные мастера оружейного дела – седельники, шорники, бронники, лучники, тульники[25 - Тульники – мастера по изготовлению колчанов для стрел (тул – колчан).], щитники... Здесь же обосновались и мастера порочного[26 - Порочники изготавливали пороки – метательные машины, применявшиеся при осаде крепостей и городов.] дела, и пользовавшиеся у новгородцев особым почетом и уважением ремесленники, которые изготавливали мечи, сабли, кинжалы, копья и шлемы.

Народ в оружейных рядах был степенный и обстоятельный. Как правило, практически каждый новгородец-мужчина вполне профессионально умел пользоваться оружием, досконально знал его свойства и относился к нему трепетно, если не сказать – с любовью. Поэтому приобретение меча или шлема всегда сопровождалось долгим торгом, во время которого товар осматривался очень тщательно, вплоть до мельчайшей заклепки: как-никак, а от его качества нередко зависела жизнь покупателя.

Конечно, на гривну особо не разгонишься – оружие было дорогим, но все равно Стоян и Носок успели до обедни приобрести все, что им требовалось: сабли, тегияи[27 - Тегияй – самый дешевый русский доспех, заимствованный у татар. Представлял собой длиннополый распашной кафтан с высоким стоячим воротником на толстой простеганной подбивке, в которую часто вшивались обрывки кольчуг, бляхи и т. п. Обладал достаточными защитными качествами

и носился вместо доспехов небогатыми ратниками. Иногда тегиляи изготавливались из толстой бумажной материи и тогда по всей груди могли обшиваться металлическими пластинками.] и щиты. Денег на харалужные копья (из вороненой стали) у них, увы, не хватило, но и приобретенные ляцкие сулицы[28 - Ляцкая сулица – польское метательное копьё. Имело граненый наконечник и достигало длины 1,5 м.] годились: они занимали мало места, что в походах на ушкуях весьма ценилось. Вместо добротных шлемов друзьям пришлось купить бумажные шапки[29 - Шапка бумажная – стеганая шапка из сукна, шелковых или бумажных материй с толстой хлопчатобумажной либо пеньковой подкладкой. В подкладку иногда вшивались куски панцирей или кольчуг. Имелся металлический наносник. До XVII в. шапка бумажная считалась на Руси одним из самых дешевых военных головных уборов.], но оба утешали себя тем, что в походе смогут обзавестись оружием и защитным снаряжением гораздо лучшего качества.

Щиты достались им треугольные и подержанные: новые по той же цене найти не удалось. Такими щитами вооружались обычно рыцари-тевтонцы, и уже по внешнему их виду легко можно было определить судьбу прежних хозяев: как ни старался мастер, а всех вмятин от ударов меча и секиры замаскировать так и не смог.

А еще Стоян не удержался и, можно сказать, почти на последние деньги приобрел ослоп[30 - Ослоп – большая и тяжелая деревянная палица с утолщенным концом, окованным железом или утыканным железными гвоздями. От ослопов не спасали ни доспехи, ни щиты: первый же удар им гарантированно сбивал противника с ног. Цельнодеревянные и цельнометаллические ослопы имели вес до 12 кг.], который считал наиболее привычным и подходящим для себя оружием. С ослопом он и впрямь управлялся лучше, чем с саблей: тяжеленная дубина в его ручищах казалась игрушечной – настолько легко он ею орудовал. Когда Стоян для пробы несколько раз взмахнул ослопом, торговец поначалу укрылся на всякий случай под прилавком, а потом, вылезши оттуда, великодушно снизил цену. И долго еще провожал глазами, полными восхищения, богатырскую фигуру парня, пока тот не затерялся со своим спутником в толпе.

Осталось приобрести луки и стрелы, считавшиеся у ушкуйников едва ли не главным оружием, ведь лучники прикрывали тех, кто шел на abordаж купеческих суден. А речные разбойники испокон веков слыли меткими стрелками: с тридцати шагов попадали чуть ли не в игольное ушко, а с

пятидесяти – в тончайшую щель в броне.

– Не кручинься, паря, – утешал Носок приятеля. – Все тебе будет. Знашь, кем я был, покуда в ушкуйники не подался?

– Ну?

– Луки делал. Ходил, правда, в подмастерьях, но ремесло это, уж поверь, изучил как должно. Иначе низзя было – глупых и тех, у кого руки выросли не из того места, откуда надобно, выгоняли сразу.

– А тебя-то тогда за што турнули? – посмеиваясь, спросил Стоян. – Место ведь доходное было, почетное, не каждому в жизни такая удача выпадает – обучиться столь знатному ремеслу.

– Было за што, – сухо ответил Носок. Его ответ прозвучал неожиданно грубо, и он, спохватившись, нехотя пояснил: – Да с заказчиком подрался. Совсем, гад, извел мастера придирками. Он из-за него ночами не спал.

– Эка невидаль – подрался!.. – удивился Стоян. – Быват. Ну дык народ наш отходчивый, примирились бы.

– Может, и так. Но дело-то все в том, што я его ножичком... того. Он ведь был оружный, а я – в одном токмо кожаном фартуке. В общем, не убил я ево, но кровушку пустил. А он, вишь, у князя в чести оказался. Короче, не стал я дожидаться княжеского суда.

– А-а... Ну тогда понятно...

Носок повел Стояна в посад, где жил когда-то сам и где работали ремесленники, изготавливавшие луки, стрелы и налучья. Когда они ступили на одну из узких улочек, Носок натянул вдруг шапку чуть ли не до носа и стал отворачиваться от каждого встречного.

– Ты чего? – спросил недоуменно Стоян.

– Надыть... – буркнул в ответ Носок. – Штоб не нарваться на тех, кому я бока мям.

Стоян коротко хохотнул. Он уже знал, что его приятель, несмотря на тщедушный вид, в драке становится чисто диким зверем: острым сухим кулачком способен уложить с одного удара любого верзилу.

Перебравшись через неглубокий ручей по камням, специально для того предназначенным, друзья поднялись на крутой бережок, и Носок молча указал на стоявшую на самой окраине посада, почти возле леса, старую, вернее, совсем дряхлую избу. Когда же друзья к ней приблизились, он, прежде чем постучать в покосившуюся дверь, сначала перекрестился, а затем поцеловал висевший у него на груди рядом с крестом языческий оберег.

– Ты чего? – почему-то шепотом спросил Стоян.

– Узнашь, чего, – ответил Носок, тоже понизив голос. – Ежели подвернешься деду Гудиле под горячую руку, враз поймешь, почем лихо стоит. Он хоть и стар, а бьет, как боевой жеребец посадника[31 - Посадник – в Древней Руси: наместник князя, назначенный для управления городом либо областью, или выбранный вечем правитель города.] копытом...

– Энто кто там за дверью шебаршится? – раздался вдруг из-за двери глуховатый надтреснутый голос.

– Я, деда...

– Штоб тебя!.. Носок! Ишь, какая важная птица к нам пожаловала. А входи, входи... собачий сын. Давно духу твоего смердячего не чуяли в наших краях.

Низкая дверь отворилась, и приятели, согнувшись едва не в поясном поклоне (особенно Стоян), ступили в полумрак сеней. Впереди теплилась свеча, зажата в руках хозяина избы, сбоку за загородкой копошились овцы (это стало понятно по запаху), а прямо над входной дверью в горницу, на перекладине, сидел здоровенный котище. Он почти растворился в царивших вокруг сумрачных тенях, но его зеленые глаза были пугающе огромными и светились как у домового.

Изба у Гудилы оказалась на удивление просторной. Видно было, что одновременно она служила ему и мастерской: под окном стоял верстак

с инструментами, всюду лежали деревянные заготовки вперемежку со стружками, а над очагом висел небольшой котелок, в котором тихо булькало что-то дурно пахнущее и явно несъедобное.

Изба топилась «по-черному», но поскольку сейчас горели одни уголья, дыму было немного: он улетучивался в прорезанное в потолке отверстие. Когда же печь топили для обогрева жилища, дым в таких избах обычно висел под потолком, ибо ему не позволяли опускаться вниз воронцы[32 - Воронцы - подвешенные по всему сруб (выше окон) широкие и толстые доски (иначе - подлавочки или полати). Воронцы не позволяли печному дыму спускаться ниже, к полу. А поскольку на них же оседали копоть и сажа, стены горницы оставались чистыми.]. Едкий дым хотя и выедал глаза, зато в дом, отапливавшийся «по-черному», не могла проникнуть никакая хворь: никто не простужался и не маялся животом. В избе Гудилы к очагу была пристроена широкая лежанка (видимо, изобретение самого хозяина), которая, судя по всему, служила ему не только для сна и отдыха, но и для прогрева старых костей.

– И где ж это тебя черти носили? – спросил дед Гудила, сверля Носка на удивление живыми для столь почтенного возраста глазами.

Ростом с Носка, дед отличался той же худосочностью и, несмотря на годы, был так же скор в движениях. Они даже лицом были схожи словно близкие родственники. Только у Гудилы седая борода доходила почти до пояса, а Носок по иноземному обычаю лицо брил. Отрастил лишь небольшие усы, как и Стоян.

– Далече, – уклончиво ответил Носок.

– Зачем пожаловал?

– С тобой повидаться...

– Ври, да знай меру! Тебе ведь в слободу путь заказан. А ну как словят? К позорному столбу поставят, плетями всю спину обдерут. Выкладывай все, как на духу! Не ходи вокруг да около. Мне недосуг тут с тобой баклуши бить.

– Деда, надоть мне спроворить два лука и стрелы к ним.

– По какой надобности? Только не лжесловь!

– Решил вот с дружкой к ушкуйникам податься. А они безоружных не берут, – признался Носок.

– Тебе бы только разбойничать... И в кого только таким уродился? Вся твоя семья – Царствие им Небесное! – люди уважаемые: и ремесло знали, и на хлеб насущный честным трудом зарабатывали. Один ты как гриб-поганка. Кто в атаманах будет?

– Лука Варфоломеев.

– А... Достойный воевода... – Дед слегка смягчился. – Он из тебя дурь-то твою вышибет, с ним не забалуешь.

– Так ты поможешь, дедко? Я сам все сделаю, только пособи найти хорошую, выдержанную кибить[33 - Кибить – основа лука (дуга, выгнутая на пару), служащая каркасом для крепления к ней остальных деталей. Сама кибить состоит из рукояти и двух плечей – рогов. К концам рогов крепится тетива. Часто верхний рог делали длиннее нижнего: это имело большое значение при стрельбе с лошади или с колена. Для остальных же случаев длину рогов выравнивали, что значительно упрощало, а то и вовсе устраняло необходимость подгонки их по гибкости.].

– Ладнень, помогу вам... – Тут дед Гудила перевел взгляд на Стояна и сказал: – Парнишка ты вроде хороший. И как тебя угораздило связаться с этим негодным бахарем?

Стоян, стыдливо опустив глаза, промолчал. Дед тяжело вздохнул, надел фартук и повел Носка к верстаку. Стоян немного помялся, но видя, что на него никто не обращает внимания, присел на лавку, возле которой резвились ягнята февральского окота. Те боднули парня несколько раз, а затем продолжили свои игры, и вскоре Стоян, глядя на уморительные прыжки кудрявых барашков с пола на лавку и обратно, уже беззвучно смеялся, в силу природной стеснительности прикрывая рот широченной ладонью.

Тем временем Носок и дед Гудила, обсудив предстоящую работу, перешли от слов к делу. Для кибитей старый мастер выбрал грушу: ее твердая и вязкая

древесина обладала большой прочностью, по многим свойствам превосходила даже древесину дуба, ясеня и клена, а по плотности и твердости приближалась к слоновой кости.

– Дичка? – поинтересовался, любовно погладив шелковистую поверхность заготовки, Носок, в котором проснулись воспоминания о ремесленном прошлом.

Он знал, что для кибити древесина дикой груши – самая лучшая. И оттого, что старик не пожалел для него столь ценного неприкосновенного запаса (луки из груши-дички Гудила делал лишь дорогим заказчикам; на Торг шли кибити попроще – из березы, вяза, клена, черемухи и яблони), у блудного подмастерья потеплело на душе.

– А то!.. – гордо ответил мастер.

– Сам сушил?

– Нет, сват Хват! – огрызнулся Гудила. – Ты бы еще спросил, кто мне эту дичку принес. Вишь, нигде не растрескалась! А я ить ее замачивал. Долго замачивал...

Носок молча кивнул. Конечно же он знал, что Гудила никому не доверит такие важные процессы, как вымачивание (для повышения твердости) и сушка заготовки для кибити из дички, тем более грушевой, просто очень хотелось поговорить с человеком, заменившим ему когда-то отца и мать. Именно сильная привязанность к старику и побудила его несколько лет назад наказать хамоватого заказчика, из-за которого дед Гудила потерял тогда покой и сон...

По настоянию мастера луки решили делать составными. Для большей прочности на внутреннюю сторону кибитей дед Гудила наклеил пластины из елового «кремля» – прикорневой части дерева, а на внешнюю – пластины из березы. Готовые части скрепили прочным и стойким клеем из осетровых пузырей, потом пропитали кедровой смолой, а места склейки стянули тонкими бычьими сухожилиями. Сам лук оклеили берестой, а чтобы он был более упругим, наклеили на его спинку жгут из лосиных сухожилий, предварительно расчесав их до тонких волокон.

Роговые накладки на концы лука решили не ставить: хлопотно, а толку мало. К тому же обычно ими отделялось только оружие, предназначенное

для знатных людей. Тетивы у Гудилы имелись готовые. Причем на любой вкус: из скрученной полоски сыромятной кожи, замоченной в крови зверя, шелкового шнура, скрученных стеблей крапивы... Старик остановил свой выбор на тетивах из лосиных сухожилий: он умел обрабатывать их столь искусно, что те служили очень долго и никогда не отсыревали.

Что касается стрел, то этого добра у деда Гудилы тоже хватало. А налучья и колчаны полностью изготовил сам Носок, освежив в памяти полученные в юности навыки. К сожалению, времени на «выдержку» лука не было. Хотя обычно любой заказной лук «дозревал» после изготовления в темном сухом помещении в течение года, а особо ценные экземпляры и вовсе выдерживались до трех лет. Считалось, что чем дольше «выдержка» лука, тем он лучше...

Однако не зря в народе говорится, что скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается: приятелям пришлось провести у Гудилы четыре дня и четыре ночи. Спали прямо на полу, на охапке соломы, а будили их по утрам все те же шустрые баранчики: сначала облизывали сонные лица бархатными язычками, а потом начинали настойчиво бодать. Не привыкший бездельничать Стоян тоже нашел себе работу: за три дня перепилил и переколол все имевшиеся в хозяйстве старика бревна и дрова, после чего сложил их в поленницу высотой с малый храм. Успел также починить изгородь и навесить, как следует, дверь в избу.

Прощаясь, Носок сказал, пряча повлажневшие вдруг глаза:

– Ты это, дед... не болей... Вернусь – отблагодарю. А пока, прости, нечем...

– Глупости болтаешь, – строго одернул его дед Гудила. И неожиданно... обнял и перекрестил: – Храни вас Господь...

Почти весь день Носок ходил, словно воды в рот набравши. Стоян не тревожил приятеля: понимал, что тот прощается с чем-то крайне ему дорогим и важным. К тому же у самого на душе было тревожно. Знал потому что: жизнь ушкуйника – не мед. Если даже им повезет и их примут в ватагу, этого мало. Главное, вернуться потом в Новгород живыми. А еще лучше – живыми и с набитой серебром калитой. Эх, быстрее бы уж!.. Он с трудом дождался назначенного дня встречи, не переставая терзаться вопросом: что, если Варфоломеев забыл о данном им слове?

– Не надейся даже! – решительно отмел сомнения друга Носок. – Лука все помнит. С одной стороны это хорошо, а с другой... – Он покачал головой. – Ну как пошшупает утром мою отметину у себя на боку?

– Так ты ранил его?!

– А што мне было делать?! Стоять и ждать, когда он меня пырнет?

– И то верно. Вот беда-то...

– Ну, кому беда, а кому и полбеда. Ты-то здеси при чем?

– Ежели тебя не примут, и я в ватагу не пойду!

– Тише ты!.. – шикнул Носок. – Народ оборачивается...

Друзья уже подходили к корчме Шукши. День сегодня выдался пасмурным, ветреным, сырым, и люди, кутаясь в одежду, торопились укрыться под теплыми крышами. Даже Торг выглядел каким-то вялым: одни лишь иноземные купцы, пользуясь оказией, скупали все подряд задешево, ибо иззябшие новгородцы почти уже не торговались – думали не о товаре, а о горячем сбитне да кружке доброго мёда.

В корчме, напротив, от людей было не протолкнуться, поэтому Стоян и Носок с трудом пробились к столу, за которым сидели Лука Варфоломеев с товарищами. Атаман сразу узнал их и, сверкнув в широкой улыбке белыми волчьими зубами, пригласил:

– Милости прошу к нашему столу! А ну потеснись, народ честной!

Носок и Стоян не стали изображать застенчивость и отнекиваться (чай, не боярского роду-племени, где в ходу церемонии разные), а охотно подсели к ушкуйникам и приступили к трапезе. Блюда были простые, без изысков: рыбные пироги, хлёбово, соленая сельдь, квашеная капуста, каша да зайчатина с репой. Запивали еду квасом. «Похоже, скоро в поход, – подумал опытный Носок, отметив скудость стола. – Когда почти все деньги на подготовку к большой воде потрачены – не до богатых пиров».

Отобедав, задерживаться в корчме не стали. Предупредив Носка и Стояна, чтобы шли следом, только не слишком быстро – на расстоянии, Лука поднялся и направился к выходу. За ним потянулись и четверо его спутников. «Видать, ближайшие помощники атамана», – определил Носок. Выждав немного, Стоян с Носком двинулись следом. Так – на расстоянии, как и велено было, – они прошагали до Коневой, где находились коновязи и где ушкуйников ждали санирозвальни. Лука с помощниками сноровисто в них расселись, а «новобранцам» места не нашлось: им удалось пристроить в санях лишь свои мешки с воинским облачением. Тем временем по знаку атамана тот из ушкуйников, которого звали Валуй, бросил им две веревки, привязанные к задку розвальней.

– Хватайте, – распорядился Варфоломеев, – помчитесь за санями. Заодно проверим вашу выносливость.

Носок покорно кивнул: ему известно было это испытание. Он намотал веревку на руку особым способом, одновременно обучив тому же Стояна. Ушкуйники одобрительно хмыкнули.

– Пошла-а! – прикрикнул Валуй на лошадку, и сани тронулись, все более ускоряя ход.

Вскоре Стоян и Носок уже бежали по разбитому шляху что есть мочи. При других обстоятельствах они, скорее всего, давно б уж отстали от саней, но тут их крепко держали тянувшие вперед и не позволявшие остановиться веревки.

– Дыши ровней! – крикнул на ходу Носок, заметив, что друг с непривычки начал задыхаться. Сам же он, казалось, вовсе не ведал усталости: легкие работали, как кузнечные меха, по лицу блуждала упрямая улыбка.

Последовав совету приятеля, Стоян вскоре тоже приноровился к необычному для него способу передвижения и бежал теперь ровно и размеренно, временами широко перепрыгивая, словно лось, через встречавшиеся на пути рытвины.

Когда розвальни преодолели шлях и свернули на малоезжую, но хорошо укатанную дорогу, Носок хитро осклабился, придал ногам нужный угол уклона и, откинувшись назад до упора, заскользил за санями как на лыжах. Стоян при виде столь удивительного зрелища едва не потерял равновесие, однако, вдоволь надивившись смекалке приятеля, после двух-трех попыток смог

успешно повторить тот же трюк. Так они и промчались – уже без особых усилий – почти две версты[34 - Верста – русская мера длины, равная 500 саженьям (1,0668 км).], пока занятые разговорами ушкуйники не обратили наконец на них внимание.

– Стой! – приказал Лука Варфоломеев, и сани остановились. – Ишь, какие мудрецы нам попались... На хромой козе не объедешь. В оману нас ввели!

– Да молодцы они, атаман, – вступился за «новобранцев» Валуи. – Смышленные. Нам такие точно сгодятся.

– Энто мы ишшо посмотрим... – Варфоломеев задумчиво пожевал ус. – Ладно, хватит вам пятки бить, сигайте в розвальни.

Ушкуйники уплотнились, и выяснилось, что еще для двух человек места в санях вполне хватает. Щелкнул кнут, и гнедая кобылка снова зарысила по дороге, ведшей в лесную глушь...

Зимний стан ушкуйников, раскинувшийся на покрытом густым лесом берегу реки, напоминал разворошенный муравейник. Подготовка к набегу шла полным ходом. На обширной поляне, близ пока еще замерзшей воды, ладились новые ушкуи. Рядом на кострах грели вар, чтобы обмазывать им потом готовые лодки. Чуть выше, на ровной утоптанной площадке, одни ушкуйники упражнялись во владении холодным оружием, а другие – уже на лесной опушке – совершенствовали свое мастерство в стрельбе.

В стане насчитывался добрый десяток изб-полуземлянок с крохотными оконцами под самой крышей. Крыты они были жердями с настланным поверх них толстым слоем дерна. Как правило, такие избы отличались большой вместительностью и хорошо хранили тепло.

Судя по тому, что стан Луки Варфоломеева не был огорожен частоколом, нападения врасплох ушкуйники не опасались. Видимо, атаман имел тесные связи с посадником и другими знатными людьми Великого Новгорода, а может, именно по их указке и действовал. Данный вывод подтверждало и расположение стана: до города было рукой подать, не более десяти верст. Впрочем, скорее всего, и сам стан был временным – лишь бы зиму переждать. Ибо положенные на рогатки жерди, предназначенные для просушки сетей, и старые бочки

для засолки рыбы красноречиво свидетельствовали о том, что избы принадлежат довольно крупной рыбацкой артели. Просто до весенней путины было еще далеко, вот речные разбойники и облюбовали на зиму их временные жилища.

Новичков встретили приветственными возгласами, и вскоре Стоян и Носок оказались в кругу ушкуйников, бесцеремонно тарасившихся на них, словно на некую диковинку. «Оно и понятно, – подумал уже зимовавший в подобном стане Носок, – посиди-ка в этом медвежьем углу целую зиму да полюбуйся изо дня в день на одни и те же приевшиеся физиономии».

– Ну што, робяты, кому не слабо сразиться с новичками? – обратился атаман к ватаге с вопросом. – Надобно бы проверить их, как они на бой способны...

– Дык это мы завсегда!.. – дружно загудели ушкуйники. – Выбирай кого хошь, атаман!

– Вешняк, ты где?

– Здеси я, атаман, здеси...

Вперед шагнул добрый молодец с широченными плечами, двигавшийся быстро и легко, как большой кот. Непринужденно выхватив из ножен саблю, он критически оглядел новичков и полюбопытствовал:

– Ну-у и кто тут из вас самый смелый?

Шустрого Носка на сей раз опередил обстоятельный Стоян.

– Оба смелые, – спокойно пробасил он в ответ, после чего достал из мешка свой ослоп и несколько раз подкинул его в руке, точно взвешивая.

Видя, сколь играючи соперник управляется с тяжелой дубиной, Вешняк обеспокоился и даже слегка побледнел. Варфоломеев, заметив его замешательство, ухмыльнулся и успокоил Стояна:

– Ну будя, будя тебе, парень. С тобой все ясно. Годен. – И повернулся к Вешняку: – А што, Вешняк, не пожелалось тебе попробовать его дубины?

– Пусть саблю возьмет! – запальчиво вскинулся тот. – Вот тады и посмотрим.

– В бою ты тоже будешь просить супротивника сменить оружие? Помолчи ужо...

– А со мной не хошь сразиться? – спросил вдруг Носок с лихим блеском в глазах.

– Ой, мотри, паря, Вешняк у нас знатный боец, – предупредил Носка атаман.

– Учту, – кивнул Носок.

– Но токмо до первой крови! – рявкнул Лука. – Мотри, Вешняк, не заиграйся!

– Как получится... – обиженно буркнул Вешняк и, набычившись, двинулся на Носка.

Тот, напротив, стоял спокойно и даже отчасти расслабленно, опустив саблю острием вниз. И только рыжие рысьи глаза его превратились в узкие щелки, из которых посверкивал взгляд дикого зверя.

Ушкуйник с ходу обрушил на Носка град ударов, рассчитывая расправиться одним лишь лихим наскоком, что не раз помогало ему в поединках подобного рода. Однако неожиданно для себя почти мгновенно оказался в роли... обороняющегося. Вскоре ему уже казалось, что юркий и неказистый с виду противник разит одновременно со всех сторон – столь быстро вращался тот вокруг Вешняка. Его сабля жалила с такой невероятной скоростью, что в какой-то момент Вешняк растерялся, и Носок не преминул этим воспользоваться. Пригнувшись, он змеей скользнул вперед, и тотчас острие его сабли уткнулось в горло ушкуйника.

– Все, ты уже мертв, – объявил Носок, хищно ухмыляясь.

Вешняк, почувствовав легкий укол в шею, чуть дернул головой, но сразу же застыл и глупо захлопал ресницами. Ушкуйники нестройно загоготали. А Носок, выдержав паузу, небрежно бросил саблю в ножны и с невозмутимым видом

вернулся к Стояну.

– Да пошли вы... все! – Взбешенный поражением Вешняк круто развернулся и стремительно покинул место поединка.

– Хорошо дерешься однако... – похвалил Носка атаман и тотчас задумчиво сощурился, словно пытаясь что-то вспомнить. Не дождавшись, видимо, от памяти результата, чуть раздраженно махнул рукой и крикнул: – Валуй! Определи новичкам место и дай работу. Надеюсь, с ремеслом вы так же хорошо знакомы? – обратился он к Носку и Стояну. Те согласно кивнули, и Лука подытожил: – Вот и добро. Бог в помощь... – С этими словами и отправился к своей атаманской избе, отличавшейся от прочих лишь размерами и местоположением – была поменьше и стояла в сторонке, на отшибе.

К удивлению Носка, их со Стояном отправили на строительство морских ушкуев, имевших палубу на носу и корме, тогда как речные представляли собой большие и добротные, но тем не менее обычные лодки вместимостью до тридцати человек. «Это куда ж мы пойдем?» – думал слегка растерявшийся Носок, вытесывая из ствола сосны прочный толстый брус будущего киля.

Поверх киля накладывалась потом служившая основанием для поясов наружной обшивки широкая доска, которая скреплялась с ним деревянными нагелями[35 - Нагель – большой деревянный или металлический гвоздь, применявшийся для скрепления частей деревянных конструкций.] с расклинивающимися концами. Балки, образующие носовую и кормовую оконечности ушкуя, выстругивались прямыми и устанавливались с небольшим наклоном наружу, причем носовую часть делали выше кормовой. Обе соединялись с килем кницами[36 - Кница – угольник для скрепления между собой частей судового набора.], вырезанными из ствола дерева с отходящей под углом толстой ветвью. С наружной обшивкой и первыми шпангоутами штевни скреплялись горизонтальными кницами, причем верхняя одновременно служила опорой для палубного настила, а нижняя размещалась на уровне ватерлинии или чуть выше.

Опруги[37 - Опруга – ребро судна; шпангоут, сопрягаемый с обшивкой.] состояли из «штук» – толстых веток естественной погиби, стесанных по поверхности прилегания к обшивке, со слегка снятой кромкой на стороне. В средней части судна опруги состояли из трех частей, а в оконечностях – из двух. На внутреннюю обшивку опирались восемь скамей для гребцов. Благодаря

малой осадке морской ушкуй обладал большой скоростью плавания. В центральной части корпуса располагалась съемная мачта с одним косым или прямым парусом. Навесной руль на ушкуй не ставили: заменой ему служили рулевые весла на корме.

Судя по тому, что в стан ушкуйников продолжали прибывать сани со снаряжением и продовольствием, поход предстоял неблизкий. «Похоже, в удачном исходе грядущего предприятия заинтересован не только Лука с ближайшими помощниками, но и новгородские бояре с богатыми купцами, – пришел к выводу Носок, дивясь непривычному для речных разбойников изобилию припасов, требовавшему немалых денег. – Видать, знатные новгородцы решили отомстить свеем за прошлый год». Тогда свеи проникли через Неву в Ладожское озеро и перебили многих обонежских купцов, направлявшихся в Новгород из устья Свири через озеро к устью Волхова. Носок уже начал тревожиться, не прогадал ли, связавшись с Варфоломеевым? Ведь ему ни разу еще не доводилось участвовать в морских походах, а из рассказов бывалых ушкуйников он знал, что они несравнимо опаснее речных.

Меж тем Стоян в отличие от друга пребывал в блаженно-приподнятом состоянии. Валуи, узнав, что он в отрочестве обучался резьбе по дереву, поручил ему изготовить украшение носа судна в виде головы полярного медведя, и теперь парень старался изо всех сил. Зубы и клыки он выточил из кости, к оскаленной пасти приклеил в качестве языка кусок красного бархата. А уж когда вставил в глазницы большие стеклянные бусины, медвежья голова стала выглядеть как живая. Когда ее – как главный оберег – прикрепили к новому судну, на берег сбежались все разбойники во главе с атаманом. Стоян даже слегка заважничал потом от публичной похвалы в его адрес Луки Варфоломеева.

Время шло, солнце пригревало, и вскоре река стала судоходной, хотя шуга и мелкие льдинки сошли еще не полностью. Ушкуи уже спустили на воду, нужное количество охочего люда было собрано, и теперь ватага ждала лишь момента, когда атаман поднимется на нос судна, возвысит голос и крикнет раскатисто: «Сарынь, на кичку!» [38 - Сарынь на кичку – боевой клич ушкуйников. Слово «сарынь» («сорынь») в те времена, частично даже и в конце XIX в., означало толпу (у ушкуйников – ватагу); кичка – возвышенная часть на носу судна.] С Богом, робяты!».

Глава 3. Вещий сон

Весной 1318 года великий князь литовский Гедимин охотился на берегу реки Вильни. Обитатели дремучего леса, затаившиеся среди древесных ветвей и в зарослях кустарника, настороженно наблюдали из своих укрытий за охотником, скользившим меж деревьев подобно тени.

Несмотря на то, что князю исполнилось уже тридцать шесть лет – годы, считавшиеся по тем временам немолодыми, – двигался он по-юношески гибко и проворно. Как хорошо обученный воин-лазутчик, способный не только незаметно проникнуть во вражеский стан, но и вернуться в расположение своих войск живым и здоровым.

Собственно, Гедимин и был воином. Он происходил из коренных литовских князей – кунигасов. В его предках значился знаменитый князь Скирмунт, а отцом был князь Бутивид. Княжеский трон ждал Гедимина с рождения, однако волею изменчивой судьбы он, повзрослев, оказался в конюших[39 - Конюший – высшая дворцовая должность; конюший отвечал за формирование конных полков Великого княжества Литовского.] у собственного брата Витеня. Витень же стал великим князем в ходе длительной междоусобной войны, начавшейся в Литве после смерти князя Миндовга. Вот, дабы избежать родственных распрей, он и отправил Гедимина подальше от своего двора, в Аукштайтию[40 - Аукштайтия – историческая область на северо-востоке современной Литвы. Названа в честь древнего балтского племени аукштайтов – потомков античных айстиев, язык которых лег в основу современного литовского языка.], в недавно присоединенные к Литве земли. Князь Витень был женат на дочери жмудского князя Викинда, и хотя этот брак позволил ему объединить под своей властью литовцев и жемайтов, в 1315 году он умер, так и не оставив после себя наследников.

Тогда-то Гедимин и вернулся к долгожданному трону. Почти все минувшие десять лет наместничества в Аукштайтии он сражался с крестоносцами – рыцарями Тевтонского ордена[41 - Тевтонский (немецкий) орден был учрежден в период 3-го крестового похода (1189–1192 гг.). Члены католического ордена были одновременно и монахами, и рыцарями.]. И теперь, с самого начала своего правления, ему пришлось продолжать делать то же, что и раньше, – воевать.

Орден по-прежнему угрожал Великому княжеству Литовскому огнем и мечом. Зимой 1316 года Великий маршал[42 - Маршал – должность, подразумевающая в Тевтонском ордене руководство военными операциями. Большую часть времени маршал проводил либо в военных походах, либо в Кёнигсберге, в своей резиденции. Во время сражений маршал являлся вторым (после великого магистра) лицом ордена.] Тевтонского ордена Генрих фон Плоцке совершил поход в волость Пастовия, где убил и пленил порядка пятисот человек. Другой отряд крестоносцев разорил предместье замка Бисена, а весной рыцари-тевтонцы захватили и сам замок. Летом того же года крестоносцы вторично напали на Меденике, а зимой отряд крестоносцев под руководством того же Генриха фон Плоцке предпринял боевой поход в литовские волости Вайкен и Пограуде. Спустя год отряд под командованием комтура[43 - Комтур – низшая должностная единица в структуре ордена тевтонцев. Обязанность – руководство комтурством совместно с Конвентом (собранием рыцарей комтурства).] Фридриха фон Лебенцеля выжег дотла предместья замка Гедимины. Теперь же Тевтонский орден намеревался завоевать Жемайтию[44 - Жемайтия (Жмудь) – район на северо-западе современной Литвы; в историческом прошлом – название страны между низовьями Немана и Виндавой (современная р. Вента).].

...Сегодня князь охотился на тура. Одолеть этого зверя считалось большой удачей и честью для любого охотника. Особой славой пользовались пояса из кожи тура: их называли «счастливыми», ибо, согласно преданию, они обеспечивали владельцу благосостояние и приносили прибыль во всех делах. Только полоску кожи для такого пояса нужно было добыть прямо на охоте – когда зверь уже получил смертельную рану, но еще не испустил дух. Мало кто мог похвастаться «счастливым» поясом: очень уж опасными слыли могучие и бесстрашные лесные быки. Охота на тура вообще приравнивалась к поединку с вооруженным противником. Этот дикий зверь символизировал бога грозы Перкуна и служил своеобразным воинским талисманом. Недаром из кожи туров изготавливались также воинские пояса, на которые нашивались потом защитные металлические пластины.

В лесу Гедимины сопровождали самые верные и испытанные дружинники Малк, Жигонт и Войдила. Жигонт шел позади князя, чтобы предупредить возможное коварное нападение зверя с тыла, а Войдила с Малком исполняли роль выдвинутых чуть вперед боковых флангов-«крыльев».

В отличие от князя и Жигонта последние двое продвигались по лесу, не особо заботясь о скрытности. Тур – зверь чуткий. Услышав звук шагов, он непременно

уйдет с пути охотника, но при этом, как они знали, не станет убегать далеко – просто метнется в сторону. Значит, угодит аккурат под выстрел князя.

Увлечшись охотой, Гедимин дошел до места впадения Вильни в реку Вилию, то есть до самой Турьей горы. Согласно древнему преданию, литовский князь Свинторог еще при жизни облюбовал эту местность для своего будущего погребения, в связи с чем и наказал сыну сжечь его тело после кончины именно в устье Вильни. С тех пор это место и носило название Долины Свинторога.

Интуитивно определив присутствие рядом тура, князь замер, превратившись на время в неподвижного и почти бездыханного истукана. И лишь когда зверь едва заметно шевельнулся, он различил наконец смутный абрис его могучей фигуры: коричневая шерсть почти полностью сливалась по цвету с густым подлеском, а стоявшие вокруг сплошной стеной деревья оставляли открытым лишь небольшую часть левого турьего бока. Медленно – очень медленно! – Гедимин извлек каленую стрелу из колчана и столь же неспешно прицелился. Удивительно, но никогда прежде, ни на одной другой охоте он не волновался так, как сейчас!

Стрела взвилась и улетела с едва слышимым свистом. Тур же, почувствовав неожиданно жалящую боль в сердце, подскочил на месте, шарахнулся в сторону и даже попробовал спастись бегством, но силы покинули его раньше: передние ноги предательски подогнулись, и он грузно рухнул на землю. Охваченный неведомой доселе эйфорией, князь подскочил к нему, выхватил из ножен большой острый нож и несколькими точными движениями вырезал из его шкуры ремень нужного размера. И лишь когда окровавленный лоскут оказался уже в руках, он заметил, что поверженный могучий зверь... плачет! Крупные прозрачные слезы медленно выкатывались из глаз животного и чертили серебристые дорожки на его бурой шерсти. Гедимину почудилось, что тур смотрит на него с немим укором, и этот почти человеческий взгляд настолько поразил его, что он отшатнулся от жертвы, не в силах перерезать ей горло, как следовало. За него это сделал вовремя подоспевший Жигонт.

– Хей! – радостно воскликнул дружинник, увидев в руках Гедимины полосу турьей кожи. – Знатный выстрел! Тебя ждет большая удача, князь! Мы победим этих псов-тевтонцев! Хей!

Князь, все еще пребывавший в оцепенении от укоризненного взгляда зверя, слабо отмахнулся от славословий в свой адрес и устало прилег на кучу кем-то

собранного прошлогоднего хвороста. Подошедшие в этот момент Малк и Войдила молча накрыли его медвежьей шубой, которую всюду таскали с собой, невзирая на возражения хозяина, и неожиданно для себя Гедимин забылся крепким сном.

...Ему привиделась Кривая гора – самая высокая гора в Долине Свинторога. Вершина горы была охвачена странным голубоватым сиянием, и, заинтересовавшись им, он начал подниматься вверх. Неожиданно на его пути возник огромный железный волк с клыками, похожими на зубья бороны. Не надеясь на меч, Гедимин начал в диком ужасе карабкаться по склону еще выше, но волк не отставал. Князь уже слышал за спиной его тяжелое дыхание, слышал клацанье железных зубов... Еще минута, и чудовище настигнет его! И тогда, совершив над собой невероятное усилие, Гедимин... взлетел! Ощущая во всем теле необычайную легкость, он кружил под самыми небесами, а внизу, на вершине Кривой горы, сидел железный волк. Рядом с его мощными лапами лежал светящийся камень, из которого ввысь устремлялся яркий голубой луч. Подняв к небу оскаленную пасть, зверь вдруг завыл-зарычал подобно стае из тысячи волков. От этого оглушающего воя тело Гедимины вмиг отяжелело, и он начал стремительно падать вниз. От страха он закричал и... проснулся.

– Дурной сон, – сухо пояснил князь склонившимся над ним обеспокоенным дружинникам и поднялся. – Жигонт, ты пойдешь со мной, а вы, Малк и Войдила, займитесь доставкой мяса и шкуры тура в лагерь.

Охотничий лагерь, где остались повозки и слуги, располагался не очень далеко. Князь надеялся вернуться туда к вечеру, поскольку завтра к обеду ему надлежало быть уже при своей дружине в Кернове[45 - Кернов (Кернаве) – столица древних литовцев; ныне – городок в 50 км к западу от Вильнюса. В XIII–XIV вв. Кернов был крупным городом с пятью крепостными строениями. Первое упоминание о Кернове в письменных источниках (в рифмованной Ливонской хронике) относится к 1279 г.]. Накануне лазутчики донесли, что видели разведывательные отряды тевтонцев: значит, надо готовиться к скорому сражению. Пока же Гедимин решил навестить находившееся поблизости святилище Перкуна. Ему не давал покоя пережитый во сне кошмар.

Шли недолго. Святилище располагалось в дубовой роще под горой. Ветви дубов уже украсила молодая листва, под ногами лежал первый весенний травяной ковер. Вскоре взорам спутников открылась обширная лесная поляна, огороженная заостренными кверху столбами с резными воротами. Толстые доски

ворот потемнели от времени, поэтому кого именно обозначают изображенные на них резные фигуры уродливых страшилищ, Гедимин определить не смог. Толстые столбы, подпиравшие ворота, венчались двумя черепами – лосиным с большими ветвистыми рогами и медвежьим.

Посреди поляны высился огромный дуб-патриарх, выглядевший значительно мощнее и кряжистее окружавших его сородичей. Под дубом стояло каменное изваяние Перкуна с жертвенным камнем в руках. В глубокой нише жертвенника горел вечный священный огонь – «Швент угнис», или «Знич». Чуть поодаль, на краю поляны, возвышалось сложенное из древесных стволов жилище, напоминавшее формой большой шалаш.

Князю уже доводилось бывать здесь однажды – правда, очень давно, еще в юности. Хотя и тогда он, помнится, подивился царившей тут неестественной тишине. Казалось, сюда не долетают ни ветры, ни птичье чириканье...

Жрец Лиздейка в накинута на плечи медвежье шкуре вырос словно из-под земли. Темно-красная туника из дорогой заморской ткани была застегнута белым витым шнуром с золотыми кольцами и кистями из бычьих хвостов на концах. На широком белом поясе висел внушительных размеров нож в дорогих сафьяновых ножнах, украшенных драгоценными камнями. Из-под воинского шлема, представлявшего собой искусно выделанную медвежью голову с клыкастой верхней челюстью, на визитеров взирало суровое лицо вейделота[46 - Вейделоты – литовские жрецы-прорицатели, охранявшие священный огонь в храмах бога Перкуна.].

– Ты пришел... – обыденно произнес жрец. И приложил руку к сердцу, приветствуя высокого гостя.

Князь изобразил в ответ легкий поклон. Между ними давно уже не было прежнего согласия.

...Никто не знал, какого Лиздейка роду-племени. Однажды, охотясь в холмистой местности Веркай близ одного из святилищ Перкуна, князь Витень обнаружил спрятанную в зарослях корзину, а в ней – разбуженного звуками охотничьих рогов и оттого громко плачущего младенца. Корзина была подвешена к ветвям дерева довольно высоко (видимо, чтобы ребенка не съели дикие звери)

и напоминала орлиное гнездо. Поэтому мальчика так и называли – Лиздейка, что по-литовски означает «из гнезда». Тогдашний Верховный жрец Литвы посоветовал князю взять найденыша на воспитание. Витень послушался, и Лиздейке выпала честь расти при княжеском дворе.

Гедимин и Лиздейка дружили с детства. Повзрослев, вместе охотились, пировали, бурно ссорились и столь же пылко мирились. Но однажды поссорились всерьез. В какой-то момент умный и не по годам наблюдательный Гедимин догадался, что настоящим отцом Лиздейки является не мифический персонаж, как поговаривали в народе, и уж тем более не сам Перкун (многие считали и так), а... креве-кревейто, главный жрец. Разумеется, иметь внебрачные связи жрецам категорически возбранялось (а отшельники не вправе были даже обзаводиться семьями), однако в силу человеческой природы запреты эти оказывались порой бессильны и перед законами, и перед религией. Согрешил и креве-кревейто... Гедимину промолчать бы тогда о своей догадке, но в пылу ссоры он не сдержался и выдал Лиздейке несколько нелицеприятных фраз о его происхождении и родителях. Друг после этого замкнулся в себе, и отношения между ними разладились. А вскоре князь Витень сослал Гедимина в Аукштайтию...

Меж тем у юного Лиздейки обнаружились вскоре завидные провидческие способности, и он начал пользоваться при дворе непререкаемым авторитетом. А чуть позже и вовсе приступил, по воле и желанию Витеня, к исполнению обязанностей креве-кревейто. Когда же князь-покровитель умер, Лиздейка неожиданно для всех сложил с себя высокие полномочия и удалился в святилище Перкуна, где и стал служить в качестве вейделота. Другими словами, добровольно опустил в жреческой иерархии на три ступени ниже. Впрочем, народ до сих пор считал истинным креве-кревейто именно Лиздейку, что изрядно злило его преемника, а Гедимина, напротив, вынуждало признавать друга детства, пусть и в душе, выдающейся личностью.

– Прошу в мою обитель, – все так же бесстрастно продолжил вейделот, увлекая гостей за собой приглашающим жестом.

Жилище Лиздейки оказалось просторным и светлым. «Он всегда любил места, где много света», – вспомнилось неволью Гедимину. Мягкий солнечный свет изливался, подобно светлomu весеннему меду, на хорошо утрамбованный глиняный пол сквозь прорезанные в крыше многочисленные оконца, забранные прозрачной слюдой. Впрочем, в обители и пахло медом. А еще – сеном и травами:

под потолком во множестве висели пучки хмеля, целебных трав, связки сухих грибов, кореньев... На полках теснились горшки и банки разных форм и размеров с настоями и мазями (Лиздейка слыл еще и знатным врачевателем). Посреди бревенчатого шалаша на треноге, обложенной диким камнем, стоял большой казан. Дым из этого примитивного очага выходил в прорезанное в крыше отверстие, рядом с которым были подвешены куски мяса, предназначенные для копчения. Почти по всему периметру жилища стояли высокие горшки с зерном и небольшие бочонки: видимо, с пивом и квасом. Стены были увешаны шкурами, а на полу лежал коврик из рогоза. Выросший в княжеском замке и привыкший к определенному комфорту, Лиздейка и в обители соорудил себе настоящую кровать: на высокую деревянную раму натянул, плотно подогнав друг к другу, широкие ремни и прикрыл их сверху звериными шкурами. Смастерил также стол и две скамьи, на которые и уселись теперь Гедимин с Жигонтом.

Без лишних слов вейделот наполнил три чаши крепким выдержанным пивом, и все трое, обмакнув пальцы в напиток и стряхнув капли на пол – для богов, – молча их осушили, неукоснительно соблюдая тем самым заведенный предками ритуал. Затем все так же молча хозяин выставил на стол блюдо с несколькими кусками вяленого мяса, плоску меда, кувшин молока (откуда?! – подивился Гедимин) и хлебцы в плетенке.

Кошмарное сновидение напрочь отбило у князя аппетит, но, чтобы не обидеть Лиздейку, он с деланным воодушевлением приступил к трапезе. В отличие от Жигонта, который, изрядно проголодавшись за время охоты, управлялся теперь с угощением за двоих. Жрец не стал мешать им своим присутствием: отошел к очагу и принялся колдовать над ним, старательно помешивая булькавшее в нем варево и то и дело добавляя в него разные порошки и травы. Видимо, варил какое-то зелье, ибо по обители пополз незнакомый Гедимину терпкий запах.

Насытившись, Жигонт звучно рыгнул и виновато взглянул на князя. Гедимин глазами указал ему на дверь, и тот, понимающе кивнув, удалился, оставив господина наедине с вейделотом. Лиздейка тотчас оставил свое занятие и повернулся лицом к гостю.

– Я слушаю тебя, князь, – произнес он густым баритоном, выпрямившись во весь свой немалый рост, уступавший князьему самую толику.

– Мне было странное видение... во сне, – без экивоков сообщил Гедимин.

– Кажи...

И Гедимин пересказал свой сон, не упустив ни одной подробности. Вейделот слушал его, прикрыв глаза, и в какой-то момент его лицо чуть побледнело. Когда же рассказчик умолк, он еще долго стоял молча: то ли напряженно размышлял, то ли мысленно просил помощи у богов.

Гедимин, как и все его предки, был язычником и потому не мог понять и принять новую – христианскую – веру. Тем не менее он (как и Витень) не видел ничего дурного в том, что некоторые люди верят лишь в одного бога, а не в тот многочисленный пантеон, которому испокон веков поклонялись члены его рода. Гедимин искренне полагал, что каждый человек волен распоряжаться своей судьбой в согласии со своими же убеждениями. Именно по этой причине он не гнушался принимать в дружину и христиан. Жрецам же, напротив, новая религия категорически не нравилась, и они яростно ей сопротивлялись. Однако поскольку литовцы все чаще и продуктивней общались с православной Русью и католической Европой, остановить смешение движущихся навстречу друг другу потоков людей разной веры было уже невозможно. Князь Гедимин хорошо это понимал и потому, будучи дальновидным правителем, мыслил так: лучше плыть совместно с этими потоками в нужном для Литвы направлении, нежели способствовать тому, чтобы они, натолкнувшись на препятствия, разрушили до основания сложившиеся веками устои.

Наконец Лиздейка открыл глаза и сказал:

– Твой сон – вещий. Железный волк знаменует, что быть здесь престольному граду Литвы. А выл и ревел он так громко потому, что слава сего града распространится на весь свет.

Гедимин облегченно вздохнул и в глубине души возрадовался. Он давно уже присматривался к холмам в долине Свинторога. Природа этих краев словно сама позаботилась, чтобы будущая крепость, а с ней и город, были хорошо защищены естественными преградами. А реки Вильна и Виляя станут исполнять роль животворящих артерий, по которым в случае нападения врагов либо осады можно будет снабжать престольный град всем необходимым. Значит, и жрецы не будут теперь противиться закладке крепости и города... Что ж, отличная

новость! Ибо доселе считалось, что близ главного святилища Перкуна у Кривой горы строить ничего нельзя, и если б вейделот, а вместе с ним и крeve-кревейто заупрямились, вся его затея с закладкой крепости рассеялась бы как дым прошлогоднего костра.

– Но это не все, – продолжил жрец, наблюдая за реакцией гостя. – В твоём сне, князь, присутствовал ещё один момент... очень важный момент...

– Какой именно? – насторожился Гедимин.

– Приснившийся тебе на вершине Кривой горы огонь – не что иное, как огонь... Перкуна.

– Знич? О нет, тот огонь совсем не был похож на жертвенный!

– Что ж, придется, видимо, рассказать тебе то, что известно лишь посвященным – крeve-кревейто, эварто-крeve, кревули[47 - Крeve-кревейто, эварто-крeve, кревули – жрецы, занимавшие в литовской жреческой иерархии самые высокие места; вейделоты стоят на четвертой ступени (после кревули).] и вейделотам, – задумчиво проговорил жрец. – Надеюсь, Перкун простит меня... Итак, слушай, князь. Раньше Знич был неугасимым. Он горел веками, и дрова для поддержания его горения были не нужны. Главное святилище Перкуна, где хранился Знич, находилось на острове Руян[48 - Руян – остров Рюген; лежит против датского побережья и занимает площадь почти в 1000 кв. км. На северной оконечности Руяна, на небольшом полуострове Витове, были найдены остатки святилища, общественных и жилых построек. Когда-то там находился город-крепость Аркона. В 1168 г. датскому королю Вальдемару I коварством и хитростью удалось ворваться в Аркону и сжечь святилище. Падение языческого храма произошло 15 июня, в день Святого Вита, и по воле Вальдемара I на месте, где стоял идол, был воздвигнут христианский храм Святого Вита.]. Оно стояло на высоком скалистом берегу, и проплывающие мимо мореплаватели славили Знич, который был заключен в башенке с хрустальными стеклами и служил им маяком, а купцы привозили на Руян богатые дары. Святилище напоминало большой, красиво украшенный храм, а дерево, из которого оно было сложено, всегда казалось только что срубленным. Внутри стояла статуя Перкуна, изваянная самими богами. Статуя была громадной, в два раза выше человеческого роста, и с четырьмя головами: Перкун взирал сразу на все четыре стороны света. В правой руке он держал украшенный серебром и золотом рог, который ежегодно наполнялся вином. К поясу Перкуна был

прицеплен огромный меч с ножнами и рукояткой, отделанными серебром и изысканной резьбой, а у ног лежали копье, щит, седло, узда – словом, все то, что необходимо воину. Стены храма были украшены рогами невиданных животных. Наверное, тех, что водятся в местах, где живут боги...

Гедимин слушал вейделота, затаив дыхание.

– Но полторы сотни лет назад на остров пришли крестоносцы, – продолжал Лиздейка все более взволнованно. – Некоторых жрецов и островитян они убили, других увели в рабство, а само святилище разрушили. С той поры Руян опустел, а наша главная святыня находится теперь в сокровищнице крестоносцев. Смотри... – Вейделот достал с полки небольшой, но очень прочный ларец, окованный металлом, открыл крышку, и князь увидел на алой бархатной подушке невзрачный на вид камешек величиной с мизинец, напоминающий кусочек хрустальной друзы. – Это тоже Знич. Вернее, его частичка, Малый Знич. А ведь до разрушения крестоносцами святилища на Руяне он горел точно таким же голубым огнем, как и камень, привидевшийся тебе во сне. Многие годы горел! А сейчас, увы, перед тобой всего лишь пепел Знича...

– Но ты так и не объяснил мне, что все это значит, – напомнил Гедимин.

– Тебе был явлено знамение, князь. Тур, которого ты убил, должен пойти на жертвенный костер, ибо он принадлежал самому Перкуну. И видением во сне, и павшим на охоте туром Перкун ясно дал тебе и всем нам понять, что Знич ожил, проснулся и что он находится неподалеку от Кривой горы.

– Где? – спросил, не подумав, Гедимин.

Жрец развел руками и ответил:

– Придется искать...

Князь скептически ухмыльнулся:

– Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что?.. – Он сердито сдвинул густые брови. – Мне ли сейчас этим заниматься? Тевтонцы готовят очередной поход на наши земли. Я должен быть с войском.

– Так ведь никто и не говорит, что искать Знич должен именно ты. Отправь на его поиски верных людей.

– Знать бы еще, куда именно их отправлять...

Вейделот чуть поколебался, а затем решительно объявил:

– Спросим у Перкуна. Не уверен, что он ответит, – еще не пришло время, но... ради Знича стоит рискнуть.

Когда оба вышли из обители, вейделот подозвал прогуливавшегося по поляне Жигонта и строго приказал:

– Зайди в дом, закрой дверь как можно плотнее и не выходи, пока тебя не позовут. И помни: если ослушаешься – умрешь страшной смертью.

Дружинник тотчас шмыгнул внутрь жилища вейделота, словно заяц. Слышно было, как он торопливо начал придвигать к двери что-то тяжелое, наверное, горшки с зерном. Гедимин невольно улыбнулся: обладающий немалой силой и храбрый как лев Жигмонт приходил в неописуемый трепет, едва дело касалось божеств или нечисти.

Приблизившись вместе с князем к жертвенному камню под дубом, вейделот принялся нараспев читать заклинания, из которых Гедимин не понял ни слова. Видимо, то был древний язык, известный только высшим жрецам и передававшийся по наследству – от отца к сыну. И сейчас, слушая речитатив Лиздейки, Гедимин еще более утвердился во мнении, что отцом вейделота был именно прежний креве-кревейто: чужому человеку тайные знания не передаются.

Произнося заклинания, жрец бросал в Знич, который вдруг ярко запылал, соль, овес, зерна ржи и конопли. Спустя какое-то время жертвенник заволкло сладковатым дымом, и неожиданно князю стало легко и весело – словно бы и не было позади напряженной охоты и кошмарного сна. Повинуясь ритму, заданному вейделотом, он начал раскачиваться из стороны в сторону и «подпевать», издавая нечленораздельные звуки, похожие на мычание.

И вдруг грянул гром. Причем прогрохотал так близко, что князь непроизвольно втянул голову в плечи. Но откуда бы взяться грому?! Небо над Священной рощей по-прежнему было чистым, ни единой тучки, солнце уже скрылось за деревьями и вот-вот должно было скатиться за горизонт – близился вечер. Грозы ничто не предвещало.

Гедимин поежился: ему вдруг стало холодно. Благостное настроение как рукой сняло. К тому же в плотной дымовой завесе начали вдруг появляться прорехи, а в них – всевозможные причудливые картинки. На одних бесновались мерзкие чудовища, другие манили пышными пирами, третьи радовали глаз цветущими садами, радугой, хороводом красивых девушек... Внезапно все картинки перемешались, образовав вслед за этим одну – большой, мрачный и хорошо укрепленный каменный замок. Далее видение явило красные черепичные крыши, просторный двор, заполненный рыцарями в броне, а затем – смотревшее на Гедимина в упор лицо незнакомца. Во взгляде этого человека было столько злобы и ненависти, что князь в страхе отшатнулся.

Однако уже в следующее мгновение картина исчезла, дым начал рассеиваться. Гедимин тряхнул головой, стараясь избавиться от наваждения. Полностью придя в себя, взглянул на Лиздейку: тот выглядел очень уставшим и даже как будто постаревшим.

– Видел? – спросил он хрипло.

– Да, – коротко ответил князь.

– Понял что-нибудь?

– Не совсем... Но где искать Знич, теперь, пожалуй, знаю. Если только Перкун не ввел меня в обман.

– Не говори так – он может обидеться и разгневаться. Перкун или изъясняет человеку свою милость, или молчит. Его нельзя заставить помочь кому-либо, можно только просить. Тебе он помог. Значит, оказал доверие.

«Вот только как бы еще это доверие использовать? – подумал Гедимин. – И как добыть Знич из-за каменных стен, которые способны выдержать сколь угодно долгую осаду?» Он узнал место, явленное ему в видении: замок-крепость

«Королевская гора» в Кёнигсберге[49 - Кёнигсберг – город, основанный в 1255 г. рыцарями Тевтонского ордена на месте прусского городища Твангсте; ныне – г. Калининград.]. Рыцари-крестоносцы называли замок «Королевской горой» в честь своего союзника – чешского короля Оттокара II Пржемысла.

Сухо поблагодарив вейделота, князь положил на жертвенный камень несколько серебряных монет (личное подношение Перкуну) и пошел вызволять помощника из вынужденного заточения. Жигонт был безмерно напуган. И чудовищной силы грозovým раскатом, и видением жутких страшилищ, тянувших к нему огромные когтистые лапы из всех щелей на протяжении почти всего отсутствия князя и жреца. Он даже не сразу поверил, что через дверь с ним разговаривает сам хозяин, а не какая-нибудь нечисть.

Когда князь и дружинник собрались уходить, Лиздейка вдруг остановил их:

– Погодите! Я сейчас... – Вернувшись с ларцом в руках, он хмуро сказал Гедимину: – Я знаю, что совершаю святотатство: Знич, даже погасший, не должен покидать пределы святилища. И все-таки думаю, что он сможет помочь тебе в поисках Большого Знича. Как? Я пока не знаю. Однако сердцем чувствую, что поступаю правильно. Возьми его...

Вскоре Гедимин и Жигонт были уже далеко от святилища. Когда же оказались в охотничьем лагере, князь первым делом приказал отправить тушу убитого на охоте тура в святилище Перкуна, а затем скомандовал выдвижение в Кернов.

...В княжеской опочивальне было тепло и уютно. Гедимин сидел в кресле возле камина и неотрывно смотрел на завораживающую пляску огненных язычков бьющегося в нем пламени. На небольшом столике рядом с ложем горела толстая свеча в кованом подсвечнике, рядом стоял корец с квасом.

Князь пребывал в глубокой задумчивости. Ночь по прибытии в свой престольный град Кернов он провел беспокойно: просыпался бесчисленное число раз. И не из-за кошмаров, а из-за мучившей его отчего-то жажды. Князь то и дело прикладывался к корцу с квасом и в итоге поднялся очень рано, еще и петухи не пели. Вдобавок ко всему и вещий сон не выходил из головы.

«Крепость на Кривой горе будем возводить, это решено, – размышлял Гедимин. – Место знатное. А там и город отстроим. Здесь сон и впрямь, что называется,

в руку. Но вот как быть со Зничем? Заманчиво, очень заманчиво вернуть литовцам расположение Перкуна. Кто бы еще подсказал, как это осуществить на деле...»

Время шло, за окном опочивальни уже начало светать, дрова в камине прогорели, а князь по-прежнему сидел неподвижно, точно истукан, и глядел ничего не выражающим остановившимся взглядом на тлеющие угли. Наконец он шевельнулся, тяжело вздохнул и позвал:

– Полюш!

Сумрак в одном из углов опочивальни тотчас сгустился, и секундой позже перед князем вырос мальчик-слуга. Когда-то Гедимин сжалился над ним, сиротой без роду и племени, и взял к себе в услужение. Парнишка был голубоглазым, белобрысым и шустрым, как белка, и со временем князь стал относиться к нему почти как к родному сыну.

– Тут я... – Полюш зевнул и потер кулачком заспанные глаза.

Малец находился при князе неотлучно (Гедимин не брал его с собой, только когда шел охотиться на крупного зверя), поэтому нынешняя ночь и для него выдалась беспокойной: пришлось почти беспрестанно сновать с ковшиком в руках от постели господина до корчаги с квасом и обратно. Пока же князь предавался размышлениям, не выспавшийся мальчонка прикорнул в углу на рысьей шкуре и хоть недолго, но подремал.

– Разыщи Жигонта, – приказал князь. – Вели немедля явиться ко мне.

Несмотря на бессонную ночь, мальчик упорхнул как птичка. Князь улыбнулся ему вслед и открыл ларец, полученный от Лиздейки. По-прежнему серый и безжизненный Малый Знич повергал в уныние.

Когда Жигонт (явно недовольный, что его оторвали от теплого бока молодой замковой кухарки) вошел в княжескую опочивальню, Гедимин острием небольшого кинжала царапал что-то на вощеной дощечке. Оторвавшись от письменных упражнений, он без обиняков объявил:

– Едешь в Кёнигсберг.

Потрясенный дружинник даже икнул от удивления. В Кёнигсберг?! В самое логово ненавистных врагов рыцарей-тевтонцев?! Князь же, разгадав причину его замешательства, грустно улыбнулся, жестом выпроводил Полюша за дверь, а потом поведал Жигонту все, что узнал от Лиздейки.

– ...Вот такая вот любопытная история, – со вздохом закончил Гедимин свой рассказ. – Вернуть нашему государству Большой Знич – значит поднять его славу на недостижимую высоту. Тогда Литва будет существовать вечно!

– Я все понял, – ответил взволнованно Жигонт. – Но как мне попасть в Кёнигсберг?

– Чего проще! Да хотя бы под видом польского купца. Тевтонцы, как известно, относятся к купечеству с уважением. Даже охраняют ведущие в Кёнигсберг дороги от разбойников, чтобы те не нанесли урона ни их местным, ни иноземным купцам. Так что даже отряд дружинников, который пойдет с тобой, ни у кого подозрений не вызовет: вооруженная охрана купеческих обозов – дело обычное и привычное.

– Хорошо. Допустим, в Кёнигсберг я проникну. Но где мне там искать Знич?

Гедимин беспомощно развел руками:

– Если б я знал!.. Увы, точного места жертвенник мне не показал. Но если уж сам Перкун вдохновляет нас на этот подвиг, тогда, я уверен, он обязательно тебе поможет. Для того ведь вейделот и вручил мне ларец с Малым Зничем. А я передаю его тебе. Держи Знич всегда при себе и береги как зеницу ока! А «подсказку» Перкуна ты услышишь или увидишь на месте, я думаю. И еще... Вот это, – князь протянул помощнику испещренную знаками вощеную дощечку, – передашь моему знакомому ганзейскому купцу, контора которого находится в Кёнигсберге. Он окажет тебе любую посильную помощь. Конечно, за исключением поисков Большого Знича. Об этом не должен знать никто. Никто! – повторил Гедимин.

– Это я уже понял.

– Итак, готовь обоз – двенадцать – пятнадцать повозок. Чтобы разбойники и тевтонские собаки не слишком зарились на твое добро, будешь изображать купца средней руки, пожелавшего наладить торговые связи с кёнигсбергской конторой Ганзы[50 - Ганза – существовавший в XIII–XVII вв. в Сев. Европе союз свободных немецких городов, созданный для защиты торговли и купечества от власти феодалов и пиратства. В состав ганзы в разное время входили более 200 городов, расположенных главным образом в бассейнах Северного и Балтийского морей. Представительства и филиалы (конторы) ганзы были открыты в Брюгге, Бергене, Новгороде и Лондоне. В странах Балтии (до основания ганзы в 1358 г.) это слово официально не употреблялось, но само понятие ганзы уже существовало. Впервые оно появилось в 1267 г., когда любекские купцы начали объединяться в «ганзы» – купеческие гильдии.]. Подбери в охрану опытных, бывалых воинов. Обеспечь всех надежной броней и добрыми лошадьми. Думаю, десяти человек тебе будет достаточно: большее число охранников может привлечь внимание тевтонцев. Лучше возьми дополнительных дружинников в качестве слуг и возниц. Пусть переоденутся в одежду простолюдинов, а оружие и доспехи спрячут среди поклажи. Я сегодня же прикажу кастеляну[51 - Кастелян – администратор замка (крепости) и прилегавших к нему территорий. Как управляющий замком и близлежащими территориями, нес ответственность за их безопасность и оборону, сбор податей и дани, осуществление судебной власти и пр.] и казначею, чтобы они снабдили тебя товаром, провиантом и деньгами. Лошадей для обоза возмешь из моей конюшни. И еще: все твои дружинники должны сносно говорить по-польски, чтобы при надобности сойти за поляков! Хотя будет лучше, если они закроют рты на замки. У меня все. Иди.

Жигонт поклонился и вышел. Князь подошел к корчаге, зачерпнул полный корец квасу и одним залпом осушил его. На душе было по-прежнему сумрачно и тревожно.

Глава 4. Рыцарский турнир

Мрачные стены рыцарского замка тевтонцев на Королевской горе, казалось, висели над землей. Густой, низко стелившийся утренний туман постепенно рассеивался, являя горожанам и гостям Кёнигсберга самые высокие башни замка-крепости – Хабертум, Шлосстурм и Данцкер. По мосту Крамер-брюке, соединявшему Альтштадт (Старый город) с островным городом Кнайпхоф,

прогрохотала первая повозка, которую тут же азартно принялись облаивать псы. Похоже, собаки в оплоте крестоносцев исполняли роль петухов, ибо в окнах домов сразу начали загораться огоньки свечей и жировых светильников, а еще чуть позже почти полное безмолвие на улицах сменилось обычным городским шумом.

Великий маршал ордена Генрих фон Плоцке проснулся не в лучшем расположении духа: из головы не выходил литовский князь Гедимин, чьи отряды совершили в прошлом году поход на Пруссию и штурмом взяли крепость Вонсдорф. Тогда погибли четыре рыцаря ордена и свыше полусотни кнехтов[52 - Кнехты – крепостные в средневековой Германии; кнехтами-пехотинцами бароны усиливали свои рыцарские отряды.], а само падение крепости нанесло большой удар по самолюбию Генриха фон Плоцке. В этом году он твердо решил отомстить Гедимину. Для новой войны с литовцами Генрих фон Плоцке объединил под своими знаменами почти всех свободных от походов рыцарей ордена (более сорока человек), сильный отряд пруссов и даже сумел привлечь на свою сторону войско куршских королей[53 - Куршские короли – конфедерация шести родов местных вассалов Ливонского ордена в крае Курземе, раскинувшемся в окрестностях гор Кулдига. Название куршские короли происходит от вождей древних куршей (древнелатышская народность), которые в XIII в. добровольно приняли крещение и помогали Тевтонскому ордену в борьбе с язычниками, за что им была дарована земля, свободная от всяких податей и трудовых повинностей.]. Последним, правда, пришлось подарить лен[54 - Лен – земельный надел, получаемый вассалом от своего сюзерена.]. Ленную грамоту подписал магистр Герхард из Йоке, ибо она была составлена от его имени (великий маршал не имел таких полномочий).

Генрих фон Плоцке кисло скривился, вспомнив текст ленной грамоты: «Всем верующим во Христа, кои будут читать или слушать сию грамоту, брат Герхард, магистр Тевтонских братьев в Ливонии, шлет привет во имя Спасителя всех людей. Содержанием сей грамоты мы ясно извещаем, что по совету и согласию наших мудрых братьев мы предъявителю сей грамоты, Тонтегоде и его наследникам, дали в лен два гакена[55 - Гакен – кадастровая мера в Ливонии; гакены были различной величины в зависимости от стоимости и качества земли.] земли, коими владел его предшественник, светлой памяти Кристиан в сих границах: идти вдоль речки Церенде вверх до озера по названию Сип; дальше до деревьев, меченных крестами; потом, следуя крестам и меткам, возвращаться к упомянутой речке Церенде с другой стороны. Все это Тонтегоде и его наследники могут держать в своей власти и со всеми принадлежностями владеть на вечные времена по тому же праву, коим другие вассалы ордена

в Курляндии владеют своими феодами. Как свидетельство достоверности сего к грамоте приставлена наша печать. Дано в замке Дюнаминде, третьего дня после праздника Вознесения, в году Господнем 1320».

Жалко доброй земли, но что поделаешь: приходится наступать на горло собственным амбициям – курши были хорошо обученными воинами, сражались отменно и не сдавались в плен. Литовцы же считали их предателями и при случае вырезали всех до одного.

Поднявшись, Генрих фон Плоцке выпил кубок подогретого вина. За ночь каменные стены опочивальни остывали – весна только вступила в свои права, и к утру промозглая сырость пробирала до костей даже под меховым одеялом. Затем он облачился в подобающие его орденскому сану одежды и вместе с другими братьями-монахами отправился на молитву в замковую церковь.

Устав Тевтонского ордена не предусматривал при приеме иных условий, кроме минимального возраста кандидата – четырнадцать лет. Но ограничения, накладываемые обетом при вступлении в орден, были весьма серьезны, равно как и требования орденского устава. Братья обязывались не менее пяти часов в день проводить в молитвах. Им запрещались турниры и охота, сто двадцать дней в году следовало соблюдать строжайший пост, вкушая пищу лишь единожды в сутки (в другое время – два раза), предусматривались наказания, в том числе телесные, за клевету и ложь, за нарушение поста, за рукоприкладство по отношению к мирянам. Братья возлагали на себя не только обет целомудрия, но и обет послушания, должны были разговаривать вполголоса, не вправе были иметь тайны от начальства, жили вместе и спали на твердых ложах полуодетыми с мечами в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Гайя – планета Земля.

2

Туаой – «огненный камень», главный кристалл Атталанты (Атлантиды); аккумулятор солнечной и звездной энергии. Имел цилиндрическую форму и достигал в высоту нескольких метров.

3

Хааома, хаома – в древнеиранской религии так назывались напиток бессмертия и растение, из которого он изготавливался. На сегодняшний день относительно хаома существует ряд гипотез, однако достоверными сведениями наука пока не располагает.

4

Орихалк – таинственный металл или сплав, о котором древнегреческие авторы упоминают в своих трудах начиная с VII в. до н. э. Так, Гесиод сообщает, что из орихалка был изготовлен щит Геракла. Широко применялся орихалк и в Атлантиде. По мнению Плиния Старшего, данный металл вышел из употребления лишь после того, как были истощены копи его залежей.

5

Котурны – высокие башмаки (сандалии) со шнуровкой и очень толстой пробковой подошвой. Имели широкое распространение у древних греков.

6

Великий Исход – гибель Атлантиды (примерно 11 800 г. до н. э.) и начавшееся вслед за этим трагическим событием освоение уцелевшими в катастрофе атлантами новых земель.

7

Куна – серебряная денежная единица Древней Руси. Название произошло от шкурок куницы, которые до ввода монетного обращения играли у восточных славян роль платежного средства при торговле с арабским Востоком. В связи с тем, что куна была одной из основных и самых распространенных платежных единиц, древнерусская денежная система называлась «кунной», хотя и включала в себя помимо куны гривны, ногаты, резаны и веверицы. 1 гривна приравнивалась примерно к 50 г серебра. В XII–XIII вв. куна составляла 1/50 гривны. Ногата, куна, резана, веверица (векша) – древнерусские названия зарубежных монет, имевших хождение на Руси в ту пору. А в Киевской Руси термином куна обозначали вообще все серебряные монеты – дирхемы, русские сребреники и западноевропейские денарии.

8

Веверица (векша, белка) – самая мелкая металлическая платежная единица Древней Руси (монетка или ее фрагмент). Название веверица восходит к тем временам, когда роль денег исполняли меховые шкурки. На одну счетную гривну шло приблизительно 100–150 вевериц. Эквивалент веверице – примерно 0,33 г

серебра.

9

Ушкуй – легкое гребное судно. Названо по имени большого полярного медведя ушкуя. Ушкуи идеально подходили для дерзких набегов. Речной ушкуй имел длину 12–14 м, ширину около 2,5 м, осадку 0,4–0,6 м и высоту борта до 1 м. Грузоподъемность ушкуя достигала 4–4,5 т. Укрытий ни в носу, ни в корме не имелось. Ушкуй мог, не разворачиваясь, моментально отойти от берега. При попутном ветре на У. ставили мачту-однодревку с прямым парусом на рее. Для подъема паруса верхушка мачты снабжалась нащечинами. Простейший, без блоков такелаж крепился за скамьи, а носовая и кормовая растяжки – на соответствующих оконечностях. Весла в местах соприкосновения с обшивкой обтягивались толстой кожей.

10

Мёд до конца XVII в. почитался лучшим русским хмельным напитком. Меды бывали вареными (варились) и ставлеными (только наливались), а по способу приготовления и входящим в их состав приправам подразделялись на простой, пресный, белый, красный, боярский, ягодный и т. д.

11

Зелье – ароматические травы: укроп, чабрец, мята и пр.

12

Тапешки – калачи.

13

Гудок (смык) – трехструнный смычковый безгрифовый музыкальный инструмент. Звуки извлекались из гудка изогнутым погудальцем (смычком). На Западе аналогичным инструментом служил фидель (нем.).

14

Калита – кожаная сумка, подвешенная к поясу.

15

Ушкуйники – члены вооруженных дружин, формировавшихся в XIV–XV вв. на Новгородской и Вятской землях для захвата новых территорий на Севере и торгово-разбойничьих экспедиций на Волгу и Каму.

16

Охочий люд – промышленные, гулящие и торговые люди, принимавшие участие в походах ушкуйников добровольно, без государева либо воеводского приказа. Часто – новгородская голытьба и пришедшие с «низу» (Смоленска, Ярославля, Твери) беглые холопы. Охочий люд – те же ушкуйники, но не промышлявшие ратными трудами в качестве основной профессии.

Седмица – неделя.

Велес – один из многочисленных богов славянской мифологии. Почитался как бог волхвов, повелитель живой природы, покровитель домашнего скота, животных и богатства, попечитель торговцев, скотоводов, охотников и землепашцев. Его супруга Макошь считалась богиней-покровительницей Земли и одновременно Небесной Пряхой, прявшей нити человеческих судеб.

Рогатина – славянское копье, предназначенное для рукопашной схватки, укрощения боевых коней или охоты на крупного дикого зверя: медведя, кабана и пр. Ратовище (древко) рогатины изготавливалось в рост человека (и более) и достаточно толстым и прочным, чтобы можно было принять зверя, уперев подток (конец древка) в землю. Простые охотничьи рогатины могли быть цельнодеревянными или с наконечником из рога. Ниже наконечника зачастую находилась перекладина, препятствовавшая слишком глубокому проникновению рогатины в тело животного. Острый наконечник (или вся конструкция вместе с перекладиной) назывался рожоном.

Денарий литовский – денежный знак, чеканившийся в Великом княжестве Литовском со второй половины XV в. Поначалу назывался пенязом (10 пенязов составляли 1 литовский грош). Выпуск денария литовского прекратился в 70-х годах XVI в.

21

Ферязь, ферезея – старинная русская одежда (мужская и женская) с длинными, свисающими до земли рукавами, без воротника и перехвата. Ферязь была широкой в подоле (до 3 м), на груди имелись нашивки (по числу пуговиц) с завязками и кистями. Ферязь шили на подкладке (холодная ферязь) или на меху, из дорогих тканей с добавлением золота. Разновидности ферязи: мовные, постные, становые (с перехватом на поясе), ездвые, армяшные (из верблюжьей шерсти). Ездвая ферязь – верхняя одежда с богатым украшением. Женская ферязь называлась ферезеей.

22

Кика – головной убор замужних женщин, разновидность кокошника. Кика представляла собой твердую цилиндрическую шапку с плоским верхом, уплощенной задней частью и с небольшими лопастями, прикрывавшими уши.

23

Паволоки – восточные вышитые шелка.

24

Кортель – летник, подбитый на зиму мехом.

25

Тульники – мастера по изготовлению колчанов для стрел (тул – колчан).

26

Порочники изготавливали пороки – метательные машины, применявшиеся при осаде крепостей и городов.

27

Тегилай – самый дешевый русский доспех, заимствованный у татар. Представлял собой длиннополый распашной кафтан с высоким стоячим воротником на толстой простеганной подбивке, в которую часто вшивались обрывки кольчуг, бляхи и т. п. Обладал достаточными защитными качествами и носился вместо доспехов небогатыми ратниками. Иногда тегилаи изготавливались из толстой бумажной материи и тогда по всей груди могли обшиваться металлическими пластинками.

28

Ляцкая сулица – польское метательное копье. Имело граненый наконечник и достигало длины 1,5 м.

29

Шапка бумажная – стеганая шапка из сукна, шелковых или бумажных материй с толстой хлопчатобумажной либо пеньковой подкладкой. В подкладку иногда вшивались куски панцирей или кольчуг. Имелся металлический наносник. До XVII в. шапка бумажная считалась на Руси одним из самых дешевых военных головных уборов.

30

Ослоп – большая и тяжелая деревянная палица с утолщенным концом, окованным железом или утыканным железными гвоздями. От ослопов не спасали ни доспехи, ни щиты: первый же удар им гарантированно сбивал противника с ног. Цельнодеревянные и цельнометаллические ослопы имели вес до 12 кг.

31

Посадник – в Древней Руси: наместник князя, назначенный для управления городом либо областью, или выбранный вече́м правитель города.

32

Воронцы – подвешенные по всему срубу (выше окон) широкие и толстые доски (иначе – подлавочники или полати). Воронцы не позволяли печному дыму спускаться ниже, к полу. А поскольку на них же оседали копоть и сажа, стены горницы оставались чистыми.

33

Кибить – основа лука (дуга, выгнутая на пару), служащая каркасом для крепления к ней остальных деталей. Сама кибить состоит из рукояти и двух плечей – рогов. К концам рогов крепится тетива. Часто верхний рог делали длиннее нижнего: это имело большое значение при стрельбе с лошади или с колена. Для остальных же случаев длину рогов выравнивали, что значительно упрощало, а то и вовсе устраняло необходимость подгонки их по гибкости.

34

Верста – русская мера длины, равная 500 саженьям (1,0668 км).

35

Нагель – большой деревянный или металлический гвоздь, применявшийся для скрепления частей деревянных конструкций.

36

Кница – угольник для скрепления между собой частей судового набора.

37

Опруга – ребро судна; шпангоут, сопрягаемый с обшивкой.

38

Сарынь на кичку – боевой клич ушкуйников. Слово «сарынь» («сорынь») в те времена, частично даже и в конце XIX в., означало толпу (у ушкуйников – ватагу); кичка – возвышенная часть на носу судна.

39

Конюший – высшая дворцовая должность; конюший отвечал за формирование конных полков Великого княжества Литовского.

40

Аукштайтис – историческая область на северо-востоке современной Литвы. Названа в честь древнего балтского племени аукштайтов – потомков античных айстиев, язык которых лег в основу современного литовского языка.

41

Тевтонский (немецкий) орден был учрежден в период 3-го крестового похода (1189-1192 гг.). Члены католического ордена были одновременно и монахами, и рыцарями.

42

Маршал – должность, подразумевающая в Тевтонском ордене руководство военными операциями. Большую часть времени маршал проводил либо в военных походах, либо в Кёнигсберге, в своей резиденции. Во время сражений

маршал являлся вторым (после великого магистра) лицом ордена.

43

Комтур – низшая должностная единица в структуре ордена тевтонцев.
Обязанность – руководство комтурством совместно с Конвентом (собранием рыцарей комтурства).

44

Жемайтия (Жмудь) – район на северо-западе современной Литвы;
в историческом прошлом – название страны между низовьями Немана
и Виндавой (современная р. Вента).

45

Кернов (Кернаве) – столица древних литовцев; ныне – городок в 50 км к западу
от Вильнюса. В XIII–XIV вв. Кернов был крупным городом с пятью крепостными
строениями. Первое упоминание о Кернове в письменных источниках
(в рифмованной Ливонской хронике) относится к 1279 г.

46

Вейделоты – литовские жрецы-прорицатели, охранявшие священный огонь
в храмах бога Перкуна.

Креве-кревейто, эварто-креве, кревули – жрецы, занимавшие в литовской жреческой иерархии самые высокие места; вейделоты стоят на четвертой ступени (после кревули).

Руян – остров Рюген; лежит против датского побережья и занимает площадь почти в 1000 кв. км. На северной оконечности Руяна, на небольшом полуострове Витове, были найдены остатки святилища, общественных и жилых построек. Когда-то там находился город-крепость Аркона. В 1168 г. датскому королю Вальдемару I коварством и хитростью удалось ворваться в Аркону и сжечь святилище. Падение языческого храма произошло 15 июня, в день Святого Вита, и по воле Вальдемара I на месте, где стоял идол, был воздвигнут христианский храм Святого Вита.

Кёнигсберг – город, основанный в 1255 г. рыцарями Тевтонского ордена на месте прусского городища Твангсте; ныне – г. Калининград.

Ганза – существовавший в XIII–XVII вв. в Сев. Европе союз свободных немецких городов, созданный для защиты торговли и купечества от власти феодалов и пиратства. В состав ганзы в разное время входили более 200 городов, расположенных главным образом в бассейнах Северного и Балтийского морей. Представительства и филиалы (конторы) ганзы были открыты в Брюгге, Бергене, Новгороде и Лондоне. В странах Балтии (до основания ганзы в 1358 г.) это слово

официально не употреблялось, но само понятие ганзы уже существовало. Впервые оно появилось в 1267 г., когда любекские купцы начали объединяться в «ганзы» – купеческие гильдии.

51

Кастелян – администратор замка (крепости) и прилегавших к нему территорий. Как управляющий замком и близлежащими территориями, нес ответственность за их безопасность и оборону, сбор податей и дани, осуществление судебной власти и пр.

52

Кнехты – крепостные в средневековой Германии; кнехтами-пехотинцами бароны усиливали свои рыцарские отряды.

53

Куршские короли – конфедерация шести родов местных вассалов Ливонского ордена в крае Курземе, раскинувшемся в окрестностях гор Кулдига. Название куршские короли происходит от вождей древних куршей (древнелатышская народность), которые в XIII в. добровольно приняли крещение и помогали Тевтонскому ордену в борьбе с язычниками, за что им была дарована земля, свободная от всяких податей и трудовых повинностей.

54

Лен – земельный надел, получаемый вассалом от своего сюзерена.

55

Гакен – кадастровая мера в Ливонии; гакены были различной величины в зависимости от стоимости и качества земли.

Купить: https://tellnovel.com/gladkiy_vitaliy/ushkuyniki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)